

АНДРЕЙ ГАНИН

СЕМЬ
«ПОЧЕМУ»

РОССИЙСКОЙ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ

ПЯТЫЙ РИМ

АНДРЕЙ ГАНИН

СЕМЬ
«ПОЧЕМУ»
РОССИЙСКОЙ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2018

УДК 930
ББК 63.3(2)6
Г 19

Рецензенты:

Я.В. Леонтьев, д.и.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова,
ведущий специалист РГАСПИ

В.Ж. Цветков, д.и.н., проф. МПГУ

*Исследование осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц)
«История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.
в документах офицеров русской армии»*

*Отзывы на книгу можно присылать
на электронный адрес автора: andrey_ganin@mail.ru*

Оформление переплета М. Левыкина

Ганин А.В.

Г 19 Семь «почему» российской Гражданской войны. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2018. — 864 с.: ил.

ISBN 978-5-9908267-1-7

С кем было офицерство? Какова роль казачества? Могли ли победить эсеры? Какую роль сыграли спецслужбы? Брали ли красные в заложники семьи военспецов? Из-за чего был разбит адмирал А.В. Колчак? Почему победила Красная армия? На наиболее острые вопросы военно-политической истории российской Гражданской войны 1917–1922 гг. отвечает один из ведущих современных исследователей в этой области доктор исторических наук А.В. Ганин. В основе монографии уникальные документы 27 российских и зарубежных архивов, включая недавно рассекреченные архивы спецслужб.

**УДК 930
ББК 63.3(2)6**

ISBN 978-5-9908267-1-7

© Ганин А.В., 2018
© Издательство «Пятый Рим»™, 2018
© ООО «Бестселлер», 2018

ВВЕДЕНИЕ

Столетие революционных потрясений 1917 г. неизбежно привлекает значительный интерес общества к тем событиям и их переосмыслению. Тем более что и современный мир регулярно сотрясают государственные перевороты и военные конфликты, в том числе напоминающие те или иные эпизоды и явления российской Гражданской войны 1917–1922 гг. Многие задаются вопросами о том, как и почему сто лет назад в нашей стране вспыхнула братоубийственная война, унесшая миллионы человеческих жизней (а по своим далеко идущим последствиям и десятки миллионов), каким образом в той ситуации повели себя различные слои российского общества, существовали ли альтернативы победе большевиков, и если да, то почему их не удалось реализовать, насколько кровавым был большевистский режим, какова вообще роль спецслужб в исходе Гражданской войны и в победе красных.

К сожалению, общественный интерес по этим и многим схожим сюжетам удовлетворяет, как правило, низкопробная литература конспирологического характера. Поток такого рода произведений, ориентированных на коммерческий успех, неизбежно возрастает к юбилейным датам. Различные теории заговоров и поиск скрытых смыслов по-прежнему весьма популярны, а кропотливое изучение того, как обстояло дело в действительности, авторов такого рода произведений не интересует. К тому же они не обладают и какой-либо квалификацией для ведения исторических изысканий, хотя почти всегда позиционируют себя в качестве историков.

С другой стороны, академическая наука в строгом смысле слова не пытается ответить на масштабный общественный запрос, что и толкает читателей к знакомству с низкопробной литературой. Кроме того, в СМИ и в сети Интернет результаты многолетних трудов ученых нередко с легкостью присваивают разного рода посредники, пересказывающие (часто с ошибками) в популярном ключе работы исследователей.

Необходимость сочетать научную достоверность и точность с популярным стилем подачи материала назрела давно. В Европе и США —

это, по сути, основной формат научной исторической литературы. В России же таких работ пока немного, а научное сообщество все еще настроено относиться к попыткам излагать результаты исследований общедоступным языком.

Замысел написать научно-популярную книгу о Гражданской войне возник в 2010 г. Эта идея в своей основе имела много причин. Достижению поставленной цели в наибольшей степени способствовали авторская работа над главами для крупнейшего многотомного международного юбилейного проекта к столетию событий Первой мировой войны на Восточном фронте, революций и Гражданской войны в России «Russia's Great War and Revolution» (мне выпала честь представлять Россию в качестве научного редактора тома по военной истории Гражданской войны вместе с видными англо-американскими исследователями Дж. Смилом, Д. Стоуном и Дж. Суэйном), а также над выходящими под моей редакцией специальными номерами российского исторического журнала «Родина». Прежде всего, «Белое дело: вехи истории» (2008. № 3) и «Неизвестная Красная армия 1917–1922» (2011. № 2). Для этих номеров я готовил обзорные статьи по таким крупным проблемам, как причины неудачи наступления армий адмирала А.В. Колчака в 1919 г. и причины победы Красной армии в Гражданской войне. Эти очерки, сочетавшие в себе обобщение предшествующих работ, широкое введение в научный оборот новых архивных данных и общедоступные структурированные выводы, вызвали значительный интерес читательской аудитории. Поддержка читателей и активное вовлечение коллег в дискуссию по затронутым вопросам способствовали укреплению убежденности в том, что публикации такого рода необходимы.

Помимо этого мой опыт преподавания курса истории России в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова для студентов-гуманитариев неисторического профиля свидетельствовал о весьма низком уровне знаний о прошлом у студентов даже этого ведущего вуза нашей страны, их интеллектуальной зависимости от интернет-ресурсов, информация которых представлялась молодым людям истиной в последней инстанции. Все это сочеталось с беспомощностью многих студентов в самостоятельном объяснении событий и явлений прошлого. На экзаменах и семинарах можно было встретить тех, кто не знал, кто такой Ленин, что такое партия большевиков, какова их роль в истории нашей страны, когда произошла революция, не говоря уже о специальных вопросах.

Не секрет, что не способной размышлять, ничего не понимающей, интернет-зависимой, зомбированной телевидением толпой общества потребления манипулировать гораздо проще, чем самостоятельными, думающими людьми. В этом уже сегодня кроется осязаемая угроза для будущего нашей страны.

В этой связи мне хотелось подготовить сжатый и понятный материал по наиболее острым вопросам военно-политической истории Гражданской войны. При этом очерки, вошедшие в книгу, содержат и прежде неизвестные архивные данные.

Другой причиной обращения к научно-популярному жанру стала воинствующая некомпетентность, распространившаяся уже и в научной и околонаучной среде. Увы, даже научные работы по затрагиваемым вопросам нередко искажают саму суть рассматриваемых событий и явлений. Связано это как с сильнейшей политизацией темы и с личными предпочтениями авторов, так и с недостаточной глубиной проработки документального материала.

Наконец, за полтора с лишним десятилетия непрерывных поисков в архивах России и зарубежья, включая архивы Армении, Грузии, Азербайджана, Украины, Казахстана, Литвы, Латвии, Эстонии, Сербии, Чехии, Польши, Финляндии, Франции, США, мне удалось собрать беспрецедентный по своему объему и научному значению документальный материал и составить собственное многоаспектное представление о событиях Гражданской войны, которым я и хотел бы поделиться с читателями. В основе этой книги материалы 27 отечественных и зарубежных архивов, включая архивы спецслужб. Доказательную базу построений существенно подкрепляет то, что, в отличие от большинства исследователей Гражданской войны, я в равной степени работал с документацией как белых, так и красных, а также представителей национальных государств. При этом в своих поисках я старался не вырывать события Гражданской войны из контекста дореволюционной и послереволюционной истории.

Название книги подсказала небольшая брошюра известного американского советолога Ричарда Пайпса «Три “почему” русской революции» (М.; Спб.: Atheneum; Феникс, 1996. 96 с.) безотносительно воззрений ее автора. В этой работе Пайпс попытался обобщить свои взгляды на революционный процесс. Он отвечал на три вопроса: почему пал паризм, почему восторжествовали большевики и почему на смену Ленину пришел Сталин. В нашей книге акцент сделан на военно-политические

аспекты Гражданской войны, поскольку именно они были главенствующими. При этом автор позволил себе отойти от однотипной вопросительной формы «почему», представив ее как условную, и разнообразить поставленные вопросы.

В приложениях публикуются яркие архивные документы, проливающие свет на события рассматриваемой эпохи и дополняющие основную часть книги. Почти все они самим своим содержанием предостерегают от идеализации как красных, так и белых.

Особое внимание специалистов и всех интересующихся историей Гражданской войны неизбежно привлечет публикация обнаруженного автором этих строк в США прежде не публиковавшегося окончания знаменитого дневника барона А.П. Будберга. Основная часть дневника увидела свет еще в первой половине 1920-х гг. в «Архиве русской революции» и стала суровым приговором Белому движению. При этом сравнительно небольшой фрагмент дневника за конец 1919 — начало 1920 г. на протяжении почти ста лет оставался неизвестным. Думается, введение в научный оборот столь значимого документа будет способствовать приращению научного знания по истории Гражданской войны. Не менее интересны и воспоминания полковника Е.Э. Месснера о Гражданской войне на Юге России, фрагмент которых также вошел в приложения.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей источника. Все даты, относящиеся к истории России до февраля 1918 г., приведены по старому стилю.

Я глубоко признателен всем, кто помогал мне при подготовке этой книги. Прежде всего, моему учителю к.и.н. О.Р. Айрапетову, моим друзьям и коллегам Ю.М. Галкиной, доктору Э. Екабсону, к.и.н. А.В. Калякиной, к.и.н. В.Б. Каширину, к.и.н. М.А. Ковальчуку, к.э.н. Е.В. Кокуре, А.А. Комиссаровой (Снесаревой), к.и.н. А.Н. Комолятовой, А.С. Кручинину, д.и.н. И.В. Михутиной, И.М. Разиной, к.и.н. А.А. Симонову, доктору Т. Таннбергу, Ю.Х. Тотрову, к.и.н. О.Ю. Устиновой, Т.Г. Чеботаревой. Особую благодарность хотел бы выразить моему другу к.и.н. Ф.А. Гушину и, конечно, моим дорогим родителям и брату за многолетнюю помощь и поддержку.

**С КЕМ БЫЛО
ОФИЦЕРСТВО**

Вопрос о том, с кем было офицерство старой русской армии в Гражданскую войну, предполагает не только статистические подсчеты и выяснение соотношения контингентов офицеров в противоборствовавших армиях, но и анализ того, что представляло собой офицерство к началу конфликта, а также реального вклада офицеров в становление всех лагерей Гражданской войны, то есть оценку качества групп офицеров в различных армиях и их роли в тех или иных событиях.

К началу Гражданской войны русский офицерский корпус состоял из двух групп: кадровых офицеров и офицеров военного времени. Между ними существовала колоссальная разница. Кадровое офицерство было замкнутой привилегированной кастой. Это были люди, целиком посвятившие себя военной службе, военные профессионалы, носители военных традиций, знаний, дисциплины, нередко происходившие из офицерских династий, где поколение за поколением представители рода избирали своей профессией военную службу. Часть кадровых офицеров обладала высшим военным образованием, как общим, так и специальным (артиллерийским, инженерным и т.д.). В кадровом офицерстве был силен корпоративный дух. Многие кадровые офицеры были выходцами из дворян. Однако на рубеже XIX–XX вв. как в русской, так и в других европейских армиях шел процесс расширения социальной базы офицерской корпорации, в которую все активнее проникали представители других сословий. Так, например, генерал от инфантерии М.В. Алексеев был сыном солдата, выслужившего офицерский чин. Генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов был сыном казака, дослужившегося до младших офицерских чинов. Генерал-лейтенант А.И. Деникин был сыном крепостного крестьянина, отданного в рекруты и дослужившегося до офицерских чинов. Советский главнокомандующий бывший полковник И.И. Вацетис родился в семье батрака.

Кадровые офицеры были традиционно чужды политической жизни, не знали и не понимали значения партийной борьбы и идеологии,

воспитывались на идеалах приверженности императору. Вместе с тем в офицерской среде в начале XX в. стали появляться и политически активные люди, в том числе сторонники конституционной монархии или республиканского строя. Однако события 1917 года и Гражданской войны показали, что единые корпоративные политические взгляды у офицерства отсутствовали. Кадровыми офицерами были крупнейшие деятели контрреволюционного лагеря Гражданской войны (например, генералы Е.К. Миллер, Н.Н. Юденич, адмирал А.В. Колчак) и многие видные военные работники Советской России (бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, бывшие полковники И.И. Вацетис, С.С. Каменев и Б.М. Шапошников, бывший подпоручик М.Н. Тухачевский).

Офицеры военного времени, масштабное ускоренное производство которых происходило в годы Первой мировой войны, представляли собой совсем иную среду. Источники производства в офицерские чины этой категории лиц были крайне разнородны. Офицером военного времени мог стать не нюхавший пороха выпускник университета или, например, участвовавший во многих кампаниях простой необразованный казак, выслуживший унтер-офицерское звание, а затем за боевое отличие произведенный в офицеры. Социальный состав офицерства военного времени был очень широк и демократичен. Существенно различались квалификация и уровень подготовки этих людей. Многие из них не связывали свою жизнь с военной службой. Фактически эта категория офицеров представляла собой срез всего русского общества и в большей степени отражала не офицерское мировоззрение, а мировоззрение тех слоев населения, из которых такие офицеры происходили. Они были гораздо хуже подготовлены к управлению войсками, чем кадровые офицеры, и их сложнее отнести к военным профессионалам. Но, вполне естественно, в среде офицеров военного времени было множество сторонников народнических взглядов, приверженцев левых политических течений (например, первый советский Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко, а также С.Г. Лазо, М.К. Тер-Арутюнянц, И.Ф. Федько, Н.А. Щорс и др.). И конечно, такие офицеры приняли как Февральскую, так и Октябрьскую революции и активно поддержали большевиков.

Характерно восприятие этих групп офицерства населением. Капитан И.С. Ильин записал в дневнике 21 июня 1918 г.: «Я видел еще по фейерверкерам и юнкерам, что именно наиболее сознательная часть

народа так и смотрит: кадровый офицер — это одно, а всех этих прапорщиков из учителей да из школ в грош не ставили и даже как будто стыдились, что такие появились офицеры — ни рыба ни мясо»¹.

Гражданская война привела к невиданному прежде расколу русского общества. Она стала одним из сложнейших жизненных испытаний для офицеров старой русской армии. В условиях взаимного ожесточения сторон и эскалации вооруженного конфликта от их выбора, в немалой степени зависел исход борьбы, дальнейший путь развития России и новых независимых государств, возникших на руинах Российской империи. Как и все население бывшей Российской империи, офицерство также оказалось расколотым между красными, белыми и сторонниками национальных государств. На конкретных примерах расколотых офицерских семей отчетливо виден братоубийственный характер Гражданской войны. У раскола офицерства были социальные причины, усугублявшиеся политическим и мировоззренческим разделением. В то же время немалая часть офицеров предпочла уклониться от вовлечения в братоубийство и заняла нейтральную позицию, а некоторые приняли участие в «зеленом» движении, сражаясь против всех. Даже спустя столетие после революционных событий не утихают острые споры, а порой и спекуляции по поводу того, с кем же оказалось тогда русское офицерство.

СТАТИСТИКА

По различным оценкам, к октябрю 1917 г. в русской армии насчитывалось от 250 до 320 тысяч офицеров, среди которых порядка 190–260 тысяч составляли офицеры военного времени, многие из которых впервые взяли в руки оружие лишь в годы Первой мировой войны². В пехотных полках действующей армии к ноябрю 1917 г. из-за высоких потерь оставалось лишь 4% кадровых офицеров³. Для сравнения, среди офицеров морского ведомства кадровые составляли около 60%⁴. Кадровый офицерский состав в основном сохранили и казачьи войска.

Всего в Красной армии оказались примерно 2500 бывших генералов и штаб-офицеров (то есть полковников и подполковников). Кроме того, свыше полутора тысяч военспецов были лицами с высшим общим

военным образованием — выпускниками Императорской Николаевской военной академии.

В результате комплектования по добровольческому принципу в первой половине 1918 г. Красная армия пополнилась незначительным количеством бывших офицеров. Увеличение набора произошло только после перехода к принудительным мобилизациям. К сентябрю 1918 г. мобилизация дала лишь 4237 военных специалистов. По другим данным, призывы по декретам от 29 июля, 2 и 29 августа и 3 сентября дали РККА к 7 октября 1918 г. 9901 бывшего офицера, 15 695 бывших унтер-офицеров, 303 врача, 2446 фармацевтов и фельдшеров, 481 бывшего чиновника⁵.

Отдельные категории бывших офицеров практически не были представлены в Красной армии. Прежде всего, речь идет о сохранившем за годы Первой мировой войны свой кадровый состав казацьем офицерстве, которое почти целиком перешло на сторону антибольшевистских сил. Тем более что казацьи области находились на окраинах, где советская власть была слабее, чем в центре, и откуда началось активное сопротивление большевикам по всей России.

Численность военспецов существенно возросла лишь к концу 1918 г., так как только 23 ноября 1918 г. Реввоенсовет Республики издал приказ № 275 о призыве с 25 ноября по 15 декабря всех бывших обер-офицеров до 50 лет, штаб-офицеров до 55 лет и генералов до 60 лет, что дало новой армии свыше 50 тысяч военспецов, а также 9000 лиц административно-хозяйственного состава⁶.

В данных о численности бывших офицеров и военных чиновников в Красной армии есть существенные разночтения. По официальным отчетам Всероссийского главного штаба (Сведения о командном составе и лицах административно-хозяйственной службы Красной армии за 1918–1919 гг. и с 1 января по 15 июня 1920 г.), в 1918 г. в РККА было зачислено 23,9 тысячи офицеров и чиновников, в 1919 г. — 80 тысяч и в 1920 г. — 18,4 тысячи⁷. Итого 122,3 тысячи человек. По подсчетам на основании документов учета бывших белых офицеров советскими органами госбезопасности, военные чиновники составляли до трети от общего числа зарегистрированных⁸. Однако для Гражданской войны характерно другое соотношение офицеров и чиновников. Так, по данным о составе антибольшевистских формирований Северо-Запада России в конце 1918 г., количество чиновников было в 7–8 раз меньше количества офицеров. Соответственно, из 122,3 тысячи офицеров и чи-

новников могло быть около 108 тысяч бывших офицеров. Но, возможно, в эту статистику включены и унтер-офицеры.

По другим данным, с марта 1918 по 15 июня 1920 г. на укомплектование комсостава было направлено 154 923 человека, в том числе 22 869 красных командиров (краскомов)⁹. Остальные — 132 054 человека представляли собой бывших офицеров, военных чиновников и унтер-офицеров (до 22 тысяч человек). За вычетом унтер-офицеров, бывших офицеров и чиновников остается около 110 тысяч человек. Таким образом, только бывших офицеров могло быть порядка 98 тысяч человек. К концу Гражданской войны в РККА служили и свыше 14 тысяч бывших белых офицеров, сведения о них, видимо, включались и в приведенные выше показатели.

По окончании широкомасштабной Гражданской войны в 1921 г. из РККА были уволены 8415 бывших белых офицеров, около 4000 переведены в Народный комиссариат труда с последующим увольнением как перемещенные в гражданское ведомство, уволены 2710 бывших офицеров военного времени, признанных малоченными, и еще 271 бывший офицер. Итого как минимум 15 396 бывших офицеров¹⁰. Происходили и другие увольнения, но на данный момент нет сведений о том, какую часть из них составляли бывшие офицеры. По оценке Р.М. Абинякина, на службе оставались до 32 544 бывших офицеров¹¹.

Очевидно, что на стороне красных оказалось весьма значительное количество офицеров. Часть была призвана по декретам, часть кустарно мобилизована. О многочисленности военспецов свидетельствуют собранные исследователями персональные данные по нескольким компактным группам внутри офицерского корпуса.

Автором этих строк составлена и на протяжении многих лет совершенствуется база данных по специалистам Генерального штаба (выпускникам и слушателям Николаевской военной академии), принимавшим участие в Гражданской войне в России 1917–1922 гг. Удалось установить, что в Гражданской войне так или иначе участвовали не менее 2837 выпускников и слушателей академии, включая ускоренные курсы периода 1916–1919 гг.

Через ряды Красной армии прошли не менее 1579 выпускников академии, через ряды белых армий Юга России — 1082, через белые армии Востока России — 641, через украинские армии — 426 офицеров¹². Как же разделился Генштаб в процентных величинах? Точные расчеты осложняет то обстоятельство, что немало генштабистов успе-

ли послужить в нескольких противоборствующих лагерях. Чтобы преодолеть это затруднение, автором был проведен подсчет по местам службы офицеров. При таком подсчете на РККА приходится 39,8%, всех мест службы генштабистов, на Южный фронт белых — 27,2%, на Восточный фронт белых — 16,1%, на украинские армии — 10,7%, на Северо-Западный фронт белых — 0,8%, на Северный фронт белых — 0,7%, на прочие белые армии, белое подполье вне РККА и бои с большевиками вне антибольшевистских фронтов — 1,6%, на прочие (кроме украинских) национальные армии — 3,1%.

Суммарно белые фронты составляли 46,4% мест службы генштабистов, превосходя соответствующий показатель в 39,7% у красных. Таким образом, через ряды белых армий прошло несколько больше «академиков», чем через Красную армию. Свою роль в этом сыграло наличие у белых старой академии, осуществившей в 1919 г. ускоренный выпуск слушателей, хотя часть из них позднее и оказалась у красных. Это превосходство не принесло белым победы, тем более что оно было невелико. При этом РККА существенно превосходила по кадрам Генштаба любой из антибольшевистских фронтов. Даже Южный фронт белых насчитывал в своих рядах в полтора раза меньше выпускников академии, чем Красная армия. Отсутствие должной координации и противоречия между антибольшевистскими фронтами и армиями лишили противников новой власти возможности воспользоваться преимуществом в кадрах Генштаба (60,2% мест службы при сложении данных по белым и национальным армиям) и стали одним из факторов, приведших противников большевиков к поражению.

Национальные армии составляли 13,8% мест службы «академиков». Этот высокий показатель достигнут за счет гетманской армии П.П. Скоропадского, которая считалась украинской национальной лишь формально и приняла в свои ряды сотни выпускников академии. За вычетом этих данных процент выпускников академии в национальных формированиях остается крайне незначительным.

Помимо генштабистов известны персональные данные о размежевании 219 доживших до начала Гражданской войны авиаторов — георгиевских кавалеров Первой мировой: 89 из них служили в белых армиях (в том числе 14 позднее сдались РККА и служили в ней, один остался в России, но скрывался под чужой фамилией), 65 — в РККА (в том числе из РККА 7 перешли в белые и 2 — в национальные армии,

а также 1 — к «зеленым»), 3 — в национальных армиях и 10 уклонились от участия в Гражданской войне. Судьбы 52 летчиков не установлены¹³. С учетом перебежчиков в РККА успели послужить 79 человек (36,1%), в белых армиях — 96 (43,8%), в национальных — 5 (2,3%) и 1 (0,5%) у «зеленых». При расчете по местам службы, красный военно-воздушный флот составил 43,6%, белый — 53%, ВВС национальных армий — 2,8%. Следует принимать во внимание и то, что перейти на сторону противника летчикам было объективно проще, чем представителям других военных специальностей.

Известны данные и о службе 61 кавалера ордена Св. Георгия 2-й и 3-й степени — в основном представителей высшего командного состава. Из них через РККА прошли только 7 человек (14,6% мест службы), через белые армии — 32 (66,7%, в том числе один перешел в национальную армию), через национальные армии — 9 (18,75%, в том числе четверо перешли к белым), 16 уклонились от службы и выбор еще 2 неизвестен¹⁴. Можно вывести определенную закономерность: чем выше был должностной и образовательный статус офицеров, тем больше их могло оказаться у противников большевиков.

Имеются и относительно точные данные об офицерах флота, хотя в силу своей специфики они заметно выпадают из общей тенденции размежевания офицерства. К марту 1921 г. в красном флоте оказалось 6559 бывших офицеров из 8060 имевшихся в русском флоте на 1 января 1918 г., или 82,2%¹⁵.

На чьей же стороне оказалось русское офицерство? У историков нет единого ответа. Причины кроются как в отсутствии достаточной документальной базы для расчетов в связи с многочисленностью офицерства, так и в идеологических пристрастиях.

По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, которые до сих пор считались наиболее достоверными, с учетом пленных белых офицеров общая численность военспецов к концу Гражданской войны оценивается в 75–78 тысяч человек, или около 30% офицерского корпуса на осень 1917 г., в том числе свыше 65 тысяч офицеров военного времени¹⁶. По мнению С.В. Волкова, сюда должны быть включены и военные чиновники¹⁷. С.В. Волков занижает численность военспецов, завышая данные об офицерах белых армий, но его рассуждения содержат противоречие, поскольку он указывает, что в РККА могли служить не более 68 тысяч офицеров, или что их было даже примерно 50 тысяч (включая в 75 тысяч 24 тысячи врачей и военных чиновников), или

же что только бывших офицеров в РККА насчитывалось 55–58 тысяч¹⁸.

А.Г. Кавтарадзе предположил, что в антибольшевистских армиях могли служить 40% офицеров, а остающиеся 30% уклонились от участия в войне или погибли¹⁹. По оценке С.В. Волкова, следующего за А.Г. Кавтарадзе, но пытающегося оспаривать его данные, за период Гражданской войны погибли 85–90 тысяч офицеров, тогда как уклонились от участия в Гражданской войне 28–30 тысяч, или 10% (по предположению С.В. Волкова, две трети из них были репрессированы), в национальные армии перешли до 15 тысяч, или 5–6% (в действительности значительно больше), а в Белом движении участвовали порядка 170 тысяч (проверка расчетов С.В. Волкова по его же материалам дает около 160 тысяч), или 62% офицеров. Красной армии он отводит лишь 55–58 тысяч (по минимальной оценке — 50 тысяч) офицеров, или 19–20%, из которых до 10 тысяч погибли. Около 70 тысяч офицеров, по его мнению, эмигрировали, 85–90 тысяч погибли, а 110 тысяч остались в Советской России²⁰.

Эти подсчеты вызывают обоснованные сомнения и вопросы. Прежде всего, к настоящему времени нет каких-либо документальных подтверждений того, что в белых армиях могли служить 160 тысяч офицеров. Неясно, как могло оказаться, что у белых, контролировавших малонаселенные окраины, служили втрое больше офицеров, чем у красных, контролировавших густонаселенный центр страны. Очевидно, что мобилизации у красных были организованы значительно лучше, чем у белых, что напрямую отразилось на численности противоборствующих армий. Непонятно и то, почему красные, по версии С.В. Волкова, мобилизовали такое незначительное в сравнении с белыми количество офицеров. Подсчеты С.В. Волкова не учитывали переходы офицеров из армии в армию. Кроме того, они, очевидно, включали и лиц, произведенных в офицеры уже в рядах белых армий (при этом прямой советский аналог — красные командиры, прошедшие подготовку после 1917 г., — в советскую статистику не включался).

Как же разделилось все офицерство? Ответить на этот важнейший вопрос помогают сравнительно точные данные по ряду фронтов и армий. Так, в Сибирской армии к 1 октября 1918 г. служили 10 754 офицера²¹. На март — апрель 1919 г. в ударных колчаковских армиях, Западной и Сибирской, числились всего 5949 офицеров²². На

Восточном фронте белых к 1 июля 1919 г., по официальным данным, служили около 30 тысяч офицеров²³, на Северо-Западном фронте белых — не менее 1200 офицеров²⁴. Есть данные о том, что к августу 1920 г. в Эстонии находились около 6000 русских офицеров²⁵. На Севере России к февралю 1920 г. числились лишь 1500 белых офицеров²⁶. Поименно известны около 2400 офицеров, служивших у белых на Севере за весь период Гражданской войны, включая произведенных в офицерские чины белыми (в том числе и по окончании боевых действий)²⁷.

В различных украинских армиях в 1919–1922 гг. насчитывалось до 3888 офицеров, а ранее, при гетмане П.П. Скоропадском в 1918 г., служили около 7000 офицеров²⁸. Всего через украинские армии могли пройти до 12 тысяч бывших офицеров русской армии. В польской армии к марту 1920 г. состояли 6204 офицера бывшей русской армии²⁹. Финский офицерский корпус на 1919 г. составлял около 880 человек³⁰, бывших русских офицеров служило около 250. Офицерский корпус литовской армии к 1 июля 1920 г. насчитывал 957 человек, бывших русских офицеров в нем могло быть не менее 440³¹. Общая численность латвийского офицерского корпуса к 1920 г. составляла более 1800 человек³². В эстонской армии на ноябрь 1918 г. служили около 2000 офицеров. К сожалению, нет точных данных об офицерском корпусе армий закавказских государств. Оценочно в армянской армии служили около 1500 офицеров³³, в азербайджанской — до 1000, в грузинской — несколько тысяч. Таким образом, в национальных армиях оказались не менее 26 тысяч офицеров.

Наибольшую сложность представляет определение численности офицеров на Южном фронте белых. Есть данные о том, что к середине 1918 г. офицеры составляли 68,7% численности Добровольческой армии³⁴. Если исходить из того, что численность армии в июне 1918 г. (перед 2-м Кубанским походом) достигала примерно 9000 человек, офицеров должно было быть менее 6200 человек.

По официальным данным, к 5 (18) июля 1919 г. во ВСЮР генерала А.И. Деникина из 244 890 солдат и офицеров, включая и нестроевых, было только 16 765 офицеров³⁵. К сентябрю 1920 г. в Русской армии на довольствии, по утверждению генерала А.С. Лукомского, числились 50 тысяч офицеров³⁶. На сегодня это максимальное документированное количество (пусть и в мемуарном свидетельстве чрезвычайно осведомленного генерала) офицеров у белых. Сведения о боевом составе,

имевшиеся в штабе армии, дают намного меньшие цифры. Так, боевой состав ВСЮР к 1 (14) июля 1920 г. включал только 8114 офицеров, а к 1 (14) сентября 1920 г. в боевом составе Русской армии числились 6699 офицеров³⁷.

Эти данные примерно стыкуются со статистикой офицеров, оказавшихся в эмиграции. На февраль 1922 г. в составе врангелевской армии числились 11 802 офицера³⁸. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев и в Болгарии к 1 марта 1922 г. находились 7595 офицеров³⁹. По данным ГПУ, в Болгарии к лету 1922 г. насчитывалось до 15 тысяч офицеров, 75% из них (11 250 человек) эвакуировались из Крыма и 24% (3600 человек) оказались за рубежом в результате прочих эвакуаций белых⁴⁰. В 1, 2, 3 и 4-м отделах РОВС в начале его существования (включая воинские части, группы, офицерские общества и союзы) состояли до 25 293 офицеров, причем в это число входили ветераны всех белых фронтов, оказавшиеся в эмиграции на территории Европы⁴¹.

В СССР к концу 1923 г., по данным ОГПУ, проживали 35–50 тысяч бывших белых офицеров⁴². На особом учете ОГПУ к 1 сентября 1924 г. состояли 50 900 бывших белых офицеров и чиновников⁴³. Остается открытым вопрос о потерях офицеров белых армий (как в боях, так и в результате репрессий при попадании в плен), а также о численности произведенных в офицеры непосредственно в белых армиях.

С учетом потерь, плена, ротации кадров и многочисленных переходов офицеров из лагеря в лагерь через Красную армию могли пройти около 100 тысяч офицеров, что подтверждают приведенные выше архивные данные. Не менее 26 тысяч прошли через национальные армии. Через белые армии (включая произведенных в белых армиях) могли пройти от 110 тысяч до 130 тысяч офицеров (в том числе 70–90 тысяч через белые армии Юга России, порядка 30 тысяч через Восточный антибольшевистский фронт и не более 10 тысяч через прочие фронты).

Немалая часть офицеров перетекала из одного лагеря в другой пленными и перебежчиками, поэтому приведенные показатели неизбежно будут накладываться друг на друга. Значительным было и количество офицеров, уклонившихся от участия в Гражданской войне (только на Юге России таких были десятки тысяч). Таким образом, окончательный ответ на вопрос, сколько офицеров оказалось у красных, а сколько — у их противников, остается задачей будущих исследований.

ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ В КРАСНОЙ АРМИИ

Сразу после большевистского переворота новые хозяева России осознали, что без привлечения на свою сторону квалифицированных командных кадров из офицеров им новой армии не создать, равно как и не обеспечить защиту своего режима от многочисленных врагов. Между тем, вопрос привлечения офицерства на сторону красных был непростым, так как большевики и их союзники, левые эсеры, взяли власть на волне разложения старой армии, солдатской вседозволенности, невиданного унижения и массовых убийств офицеров. Придя к власти, они продолжили прежний курс, который неизбежно должен был оттолкнуть офицеров. Было отменено ношение погон, упразднены воинские звания. Само слово «офицер» стало символом классового врага, вызывало подозрения в контрреволюционности, и в Красной армии вместо него был введен в обиход эвфемизм «военный специалист» (военспец).

Негативное восприятие большевиков объединяло многих офицеров. В среде патриотически настроенного офицерства был распространен взгляд на представителей этой партии как на врагов России, предателей, прямых наймитов Германии, стремившихся к поражению собственной страны в мировой войне и заключивших в 1918 г. позорный сепаратный мир с врагом, предав союзников России по Антанте. Этот взгляд был не далек от действительности и служил одной из причин перехода офицеров на сторону антибольшевистских сил. Почему же офицеры, которым большевистский режим был во многом враждебен, все же шли в Красную армию добровольно еще до перехода к мобилизациям летом — осенью 1918 г.?

Активное выражение собственной гражданской позиции — удел меньшинства в любом обществе. Не являлось исключением и русское офицерство. Громадное большинство офицеров представляли собой инертную массу, которая по выработанной за годы службы привычке слепо исполняла приказы сверху и продолжала оставаться на своих местах и после октябрьского переворота. Поскольку большевики взяли под контроль центр страны, где располагались все органы центрального военного управления, а также прифронтовую полосу нескольких фронтов и Ставку, значительная часть офицерства таким путем, как бы по инерции, перешла из учреждений старой армии в

те же, но видоизмененные органы новой, Красной армии. Например, большинство работников Ставки остались на своих местах после смены власти. В этом смысле период перехода от структур старой армии к Красной армии может быть назван инерционным. Многие попавшие таким путем в новую армию считали, что служат своей стране безотносительно правящего режима. Например, генерал-майор А.А. Балтийский прямо заявлял о себе и своих единомышленниках: «И я, и многие офицеры, шедшие по тому же пути, служили царю, потому что считали его первым из слуг отечества, но он не сумел разрешить стоявших перед Россией задач и отрекся. Нашлась группа лиц, вышедших из Государственной думы, которая взяла на себя задачу продолжать работу управления Россией. Что ж! Мы пошли с ними, помогая им как только могли и работая не для них, а для пользы Родины. Но они тоже не справились с задачей, привели Россию в состояние полной разрухи и были отброшены. На их место встали большевики. Мы приняли их как правительство нашей Родины и также по мере сил стремились помочь им в их работе. В политику мы в то время не вмешивались и действовали по признаку преемственности власти»⁴⁴. Подобная позиция едва ли может быть названа гражданской, но она была достаточно распространена.

Лишь меньшая часть офицерства по идейным причинам, осознанно, пошла на сотрудничество с большевиками. Но такие люди были. К примеру, после июльских событий 1917 г. с военной организацией Петербургского комитета РСДРП(б) начал сотрудничать генерал-лейтенант Н.М. Потапов, связанный с большевиками М.С. Кедровым и руководителем так называемой военки — военной организации большевиков — Н.И. Подвойским⁴⁵. По свидетельству Кедрова, генерал Потапов еще при Керенском «оказывал большевикам ценные услуги»⁴⁶.

Уже в 1920 г. бывший полковник Н.Н. Петин в радиোগрамме своему однокашнику по академии генерал-лейтенанту П.С. Махрову, оказавшемуся у белых, сообщал о своем переходе на сторону советской власти: «Я принимаю за личное для себя оскорбление Ваше предположение, что я могу служить на высоком ответственном посту в Красной армии не по совести, а по каким-либо другим соображениям. Поверьте, что если бы я после тяжелых переживаний не прозрел, то находился бы либо на Вашей стороне, либо в тюрьме или концентрационном лагере. ...Я решил, что ничто не может оторвать меня от народа, и отправился

с оставшимися сотрудниками и имуществом штаба фронта в страшную для нас в то время, но вместе с сим родную Советскую Россию. Может быть, Вы по-прежнему думаете, что в России все военспецы работают по принуждению под страхом расстрела, но такое заблуждение допустимо лишь рядовому офицерству, которое, насколько мне известно, Вы держите в полной слепоте, для Вас же, занимающего столь ответственную должность, как должность начальника штаба армии, и пользующегося всеми средствами разведки как агентурной, так и при посредстве иностранной прессы, должна была давно уже открыться картина истинного положения страны, и я только удивлялся, как Вы, более других возмущавшийся в дни первой революции бесправием рабочего класса, до сего времени стоите в рядах злейших врагов народа»⁴⁷. В то же время абсолютное меньшинство военспецов вступило в большевистскую партию.

Среди старших офицеров, продолжавших служить на прежних местах при новой власти, было распространено заблуждение, что, оставшись на старых должностях, можно сохранить контроль над армией в новых условиях и не отдать ее в руки большевиков. В этой связи достаточно любопытны показания бывшего генерал-майора С.Г. Лукирского, данные во время следствия по делу «Весна» в январе 1931 г.: «Наступившая октябрьская революция внесла некоторую неожиданность и резко поставила перед нами вопрос, что делать: броситься в политическую авантюру, не имевшую под собой почвы, или удержать армию от развала, как орудие целостности страны. Принято было решение идти временно с большевиками. Момент был очень острый, опасный; решение должно было быть безотлагательным, и мы остановились на решении: армию сохранить во что бы то ни стало...»⁴⁸ По свидетельству генерал-майора П.П. Петрова, служившего в 1918 г. в чине полковника в штабе 1-й армии бывшего Северного фронта, «все мы тогда плохо знали, или закрывали глаза на то, что делалось на юге, и считали, что *в интересах русского дела, надо держать в своих руках хотя бы и в стеснительных условиях военный аппарат* (курсив мой. — А.Г.). Вспышки Гражданской войны нас непосредственно не касались...»⁴⁹ В действительности подобные мотивы оказались иллюзией. Осознав невозможность осуществить задуманное в советских условиях, сторонники такой идеи или переходили на сторону антибольшевистских сил, или ввязывались в крайне рискованную подпольную работу.

Беспочвенными оказались и надежды на непрочность и непопулярность большевиков, которых из-за этого поддерживали лишь для того, чтобы они свергли деструктивное Временное правительство, после чего были бы сменены какой-то другой, более приемлемой для офицерства, властью. Генерал от кавалерии А.А. Брусилов писал о мотивах своего поступления на службу в РККА: «Я, как с малых лет военный, за эти годы (1917–1920 гг. — А.Г.) страдая развалом армии, надеялся опять восстановить ее на началах строгой дисциплины, пользуясь красноармейскими формированиями. Я не допускал мысли, что большевизм еще долго продержится. В этом я ошибся, но я ли один?...»⁵⁰ Однако Брусилов и те, кто мыслил так же, не ошиблись в том, что большевики довольно быстро смогли на новых началах восстановить армию и наладить строгую дисциплину. Эти меры не могли не импонировать офицерам, увидевшим в новом режиме сильную власть, способную справиться с анархией в стране.

Отметим еще ряд причин, по которым офицеры добровольно выбирали службу в Красной армии в 1918 г. Для многих офицеров, прежде всего кадровых, военная служба была единственным занятием, вне армии и в отрыве от любимого дела эти люди себя не представляли. Среди таких офицеров получила распространение психология «ландскнехтов», готовых служить любой власти, нуждающейся в их услугах⁵¹. Для них подходящим вариантом была служба как в Красной армии, так и в любых других армиях Гражданской войны. Тем более что в новой армии они были не одиноки — там оказались тысячи их прежних сослуживцев.

В Красную армию активно шли карьеристы. Тесно связанным с большевиками был бывший генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич, родной брат которого занимал пост управляющего делами СНК и был вхож в ближний круг большевистского лидера В.И. Ленина⁵². Но в идейном большевизме генерала Бонч-Бруевича можно усомниться. До 1917 г. Бонч-Бруевич придерживался крайне правых взглядов⁵³. После этого с ним произошла резкая перемена. В своих воспоминаниях Бонч-Бруевич писал: «Скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения. Нутром я верил Ленину...»⁵⁴ Однако не все разделяли подобную идиллию. В связи с радикальной сменой Бонч-Бруевичем своих взглядов звучали, что такие, как он, «предадут брата родного... и довольно

дешево» (мнение бывшего полковника А.Н. Ковалевского, изложенное в дневнике военного ученого бывшего генерал-лейтенанта А.Е. Снесарева)⁵⁵.

Поступление в новую армию давало возможность продвигаться по службе и тем, кто по каким-то причинам не мог на это рассчитывать в старой армии. Существует немало свидетельств, что в РККА добровольно шли люди, обиженные при старом режиме, неудачники, стремившиеся реализовать свой потенциал. Например, таким путем в РККА попал генерал-майор В.А. Ольдерогге, который во время Русско-японской войны в чине подполковника служил правителем канцелярии дорожного отдела управления военных сообщений штаба Маньчжурских армий и получал взятки (по свидетельству генерала С.А. Щепихина, за поставку гнилых шпал⁵⁶, по документам расследования — за выдачу нарядов на вагоны для коммерческих грузов⁵⁷), а когда афера раскрылась, был переведен в январе 1916 г. из Генерального штаба в строй⁵⁸. В 1918 г. этот офицер добровольно поступил на службу в РККА, где, конечно, смог служить и по Генеральному штабу, причем его служба была достаточно успешной. Однокашник генерала А.И. Деникина по юнкерскому училищу и Николаевской академии Генерального штаба генерал-майор П.П. Сытин к началу Первой мировой войны оказался последним по старшинству из своего академического выпуска. Лишь в 1917 г. он получил генеральский чин⁵⁹. Возможно, именно карьерные неудачи побудили его пойти на службу в новую армию, где он сумел хорошо себя проявить.

Немаловажным стимулом поступления в Красную армию было получение жалованья и продовольственного пайка, позволявшего выжить офицерам и их семьям в условиях хаоса и разрухи. Наконец, поступление в новую армию могло защитить от произвола бандитской стихии на местах, от которой в 1917–1918 г. погибли сотни офицеров.

Группа офицеров в конце 1917 — начале 1918 г. участвовала в качестве экспертов в мирных переговорах с представителями центральных держав в Брест-Литовске. В феврале 1918 г., в разгар демобилизации старой армии, немцы начали масштабное наступление на Восточном фронте. По патриотическим соображениям, для защиты своей страны от обнаглевшего от безнаказанности безжалостного врага, тысячи офицеров добровольно пошли в новую армию. По этой причине, напри-

мер, в Красной армии оказались генерал-лейтенанты Д.П. Парский и Е.А. Искрицкий, видный военный ученый генерал-майор А.А. Свечин, полковник С.С. Каменев и др.

Старое офицерство приняло самое активное участие в отражении немецкого наступления и в защите Петрограда. На всех основных направлениях возглавляли оборону подступов к столице исключительно бывшие офицеры Генерального штаба. Они же осуществляли верховное руководство и координацию действий советских отрядов из Петрограда. Руководил обороной Петрограда Бонч-Бруевич, его ближайшим помощником был генерал-квартирмейстер Ставки, бывший генерал-майор Н.А. Сулейман, участвовали в работе генералы-генштабисты С.Г. Лукирский, Н.И. Раттэль, А.С. Гришинский, М.М. Загю (всего с Бонч-Бруевичем из Ставки в Могилеве в Петроград в феврале 1918 г. приехали 12 бывших офицеров Генштаба⁶⁰), на псковском направлении держались отряды бывшего полковника И.Г. Пехливанова, финляндский район обороняли отряды под командованием бывшего генерал-лейтенанта Д.Н. Надежного, в районе Нарвы и Ямбурга сражались войска бывшего генерал-лейтенанта Д.П. Парского, в районе Дно — бывшего генерал-лейтенанта Ф.А. Подгурского. Под руководством известного военного инженера, бывшего инженер-генерала К.И. Величко спешно подготавливались к обороне ближние подступы к столице.

«Наступление немцев на Псков и Нарву толкнуло меня предложить свои услуги советской власти», — сообщал в своих показаниях по делу «Весна» А.А. Свечин⁶¹. К 1 марта 1918 г. в Петрограде 28 бывших генералов и полковников, занимавших в старой армии должности командиров полков и выше, изъявили желание участвовать в обороне города⁶². Важным шагом по укреплению Красной армии и по привлечению в нее бывших офицеров стал приказ Высшего военного совета от 21 марта 1918 г., отменивший выборное начало. До массовых регистраций и мобилизации офицеров было решено «вылавливать единичных работников-специалистов и держать их на случай, когда будет армия, для формирования штабов»⁶³.

Одним из инициаторов политики массового привлечения бывших офицеров в РККА был нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий, которому пришлось приложить немало усилий, чтобы его взгляд на вопросы развития Красной армии завоевал популярность в ЦК партии.

Свое видение роли военспецов в Красной армии Троцкий изложил в речи на заседании ЦИК 22 апреля 1918 г.: «В вопросах чисто военных, в вопросах оперативных, — тем более чисто боевого характера, — военные специалисты во всех учреждениях имеют решающее слово. Разумеется, этого типа организация не является идеальной. Она тоже выросла из переломного характера эпохи.

Новый класс встал у власти, — новый класс, у которого есть свои тяжелые счеты с прошлым. Это прошлое в лице ныне отсутствующей армии завещало нам известный материальный капитал: пушки, винтовки, всякие боевые запасы, и — известный идейный капитал — известную накопленную сумму знаний, боевой опыт, административные навыки и т.д., то, что находилось в распоряжении специалистов военного дела, бывших генералов, полковников старой армии, — то, чего не было в руках нового революционного класса в тот период, когда этот новый революционный класс боролся за власть и встречал на своем пути сопротивление... Рабочий класс и трудящиеся массы крестьянства не выдвинули из своей среды новых полководцев, новых руководителей, все это было предвидено всеми теоретиками научного социализма. Он должен поставить себе на службу тех, которые служили другим классам. Это относится целиком и к военным специалистам»⁶⁴.

Наиболее дальновидные представители советского военно-политического руководства понимали, что на добровольных началах и путем импровизаций массовой армии не построить. К тому же многие офицеры, поступившие в новую армию, отнюдь не горели желанием участвовать в разворачивавшейся в России братоубийственной войне. Некоторые при зачислении в Красную армию прямо выдвигали условие, что не будут воевать на внутреннем фронте, а готовы сражаться только с внешним врагом. Например, капитан Ф.Л. Григорьев, пытаясь устроиться на военную службу, 4 апреля 1918 г. писал в Москву: «В случае потребности в офицерах Генштаба для будущих формирований постоянной армии, предназначенной для борьбы с внешним* врагом, прошу о зачислении меня кандидатом на какую-либо должность Генерального штаба»⁶⁵. Ответ на такие обращения был стандартным: «Вы взяты на учет Генерального штаба для предстоящих формирований постоянной армии для борьбы с австро-германцами»⁶⁶. Интересно,

---

* Подчеркнуто автором письма.

что и большевики первоначально считали приемлемым использовать офицеров только против внешнего врага⁶⁷.

В результате аттестации бывших офицеров по благонадежности и знаниям в РККА было принято лишь 765 человек⁶⁸. По приказу Наркомата по военным и морским делам № 324 от 7 мая 1918 г. началась регистрация бывших офицеров-специалистов в уездных военных комиссариатах. Именно с регистраций начался процесс массового привлечения офицеров на советскую службу. Первоначально регистрации были добровольными, но постепенно правила ужесточались, происходил переход к добровольно-принудительным (например, под угрозой невозможности дальнейшей службы по профессии, как в случае с офицерами Генерального штаба⁶⁹) и прямо принудительным формам. Летом 1918 г. уже осуществлялись мобилизации офицеров, ставшие единственным способом привлечь массу бывших офицеров на критически важные для большевиков внутренние фронты.

29 июля 1918 г. был издан декрет СНК о призыве бывших офицеров 1892–1897 гг. рождения. Мобилизации проводились только в Москве, Петрограде и в семи губерниях — Московской, Петроградской, Архангельской, Владимирской, Нижегородской, Вятской, Пермской, а также в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов.

Призыв офицеров оказался сопряжен с немалыми трудностями, которые порождали волну недовольства. Печально известна история регистрации офицеров до 60 лет, прошедшая в Москве в августе 1918 г. Тогда тысячи людей оказались согнаны в манеж Алексеевского военного училища и задержаны там под охраной двух рот китайцев⁷⁰. Несчастные люди провели несколько дней в период с 6 по 13 августа 1918 г. без еды и в антисанитарных условиях, в результате чего у некоторых начались желудочно-кишечные заболевания⁷¹. Люди не были обеспечены самым необходимым — кипяченой водой и кипятком, горячей пищей, соломой для того, чтобы на ней спать. Военный руководитель Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевич писал начальнику Всероссийского главного штаба А.А. Свечину 14 августа 1918 г.: «Происходящая в Москве регистрация бывших офицеров с массовыми арестами, производя гнетущее впечатление на всю корпорацию бывшего командного состава, еще более ухудшает вопрос возможности добровольного поступления военных специалистов в войска»⁷².

Антибольшевистски настроенный мемуарист Н.А. Авенариус недоумевал в связи с августовской регистрацией: «Когда теперь советская власть вызвала всех живущих в Москве офицеров явиться на регистрацию, грозя [укрывшимся] репрессиями, то в Лефортово их явилось около тридцати тысяч. Что ж, угроза расправы за неисполнение приказа так их напугала? Где были они в октябре? Ведь у красных были только единицы»⁷³.

1 октября 1918 г. был опубликован новый декрет о призыве бывших офицеров и военных чиновников, не достигших к 1 января 1918 г. 40 лет. 14 ноября было издано аналогичное постановление РВСР⁷⁴.

Действие рождало противодействие. В условиях слабой легитимности большевистской власти и в обстановке внутреннего противоборства с развертыванием в конце весны 1918 г. полномасштабной Гражданской войны началось бегство оказавшихся в Красной армии бывших офицеров в антибольшевистские армии. Количество перебежчиков исчислялось тысячами. К белым перелетали целые авиаотряды, переходили высокопоставленные военспецы до уровня командующих армиями включительно.

Понятно, что в условиях враждебности офицерства или его нелояльности военспецов требовалось контролировать, для чего был создан институт военных комиссаров.

Положение бывших офицеров в новой армии было непростым. Комиссары и красноармейская масса относились к ним с недоверием, как к заведомым врагам и контрреволюционерам. Красные командиры, окончившие военно-учебные заведения в Советской России, считали бывших офицеров своими конкурентами в борьбе за командные посты, относились к ним враждебно, интриговали против них, пользуясь своей близостью к власти и партийными связями. Возник даже термин «спецеество», отражавший неприятие бывших офицеров в армии рабочих и крестьян. Видный военспец А.А. Свечин сообщил в показаниях по делу «Весна»: «С самого начала моего пребывания в РККА я ощущал атмосферу недоверия ко мне, как к бывшему генералу, отчего возникало известное расхолаживание в сознании бесплодности моих усилий»⁷⁵.

По утвержденному Троцким положению о военных комиссарах и членах военных советов: «Вся работа происходит на глазах комиссара, но руководство в специально-военной области принадлежит не комиссару, а работающему с ним рука об руку военному специалисту.

Комиссар не отвечает за целесообразность чисто военных, оперативных, боевых приказов. Ответственность за них падает целиком на военного руководителя. Подпись комиссара под оперативным приказом означает, что комиссар ручается за данный приказ как за продиктованный оперативными, а не какими-либо иными (контрреволюционными) соображениями. В случае неодобрения чисто военного распоряжения, комиссар не задерживает его, а только доносит о своем неодобрении стоящему выше Военному Совету. Только такой оперативный приказ может быть задержан, относительно которого комиссар приходит к обоснованному выводу, что приказ продиктован контрреволюционными мотивами»⁷⁶. Впрочем, некоторые бывшие офицеры были убеждены, что люди без военной подготовки, какими являлись комиссары, на самом деле не могли контролировать распоряжения военспецов, так как не разбирались в военных вопросах.

Несмотря на недоверие, комиссары должны были оберегать военспецов от солдатских масс и разъяснять бойцам смысл и значение привлечения бывших офицеров в новую армию⁷⁷. Другой функцией комиссаров был политический контроль за военспецами и предотвращение измен. Не все комиссары были к этому надлежащим образом подготовлены. Тем более что для успешной работы необходимо было обладать не только военными знаниями, но и чувством такта. Не случайно в одном из документов в декабре 1918 г. отмечалось, что «за последнее время наблюдаются случаи, когда комиссары, неправильно понимая приказ о необходимости усилить контроль за военными специалистами, окружают командный состав атмосферой подозрения и личного недоверия, что, с одной стороны, создает для честно работающих воен[ных] специалистов обстановку, в которой работать не представляется возможным, и, с другой, колеблющихся побуждает искать выхода, почему в критический момент многие из числа могущих быть полезными на службе в армии перебегают к противнику. Комиссар должен быть уверенным и спокойным как представитель Советской власти, воздействуя тем самым на военных специалистов... комиссар не должен превращать контроль в мелочную придирчивость, подчеркивая в то же время строгость и точность в исполнении возложенных на него обязанностей»⁷⁸.

Интересно, как большевики разъясняли рядовым красноармейцам потребность в привлечении на службу офицерства старой армии:

«Приходится покуда иметь рядом с красными офицерами командный состав из старых офицеров. Но строй армии таков, что командный состав не имеет того значения, что в прежней армии. Он имеет исключительно технические функции. Выбирать его пока еще не следует. Красноармейцы могут выбирать хорошего товарища, но командир он будет плохой. Что из того, что он хороший товарищ, когда своим неумением он может погубить многих красноармейцев. Назначенный, который знает свое дело, этого не сделает. С другой стороны, не надо забывать того, что за командиром следит Политком.

Бывает иногда измена, но зато польза от старого офицерства в тысячу раз больше, чем вред возможных при контроле измен. Многие уже свыклись с Советской властью и стали ее друзьями. Если бы не старое офицерство, мы не имели бы такой сильной на научных началах организованной армии, ибо рабочие и крестьяне не имеют таких знаний, как они.

Командиру надо подчиняться. Иногда красноармейцам кажется, что командир — изменник, они отказываются подчиниться его команде, и благодаря этому терпят поражение и напрасно погибают сотни, а иногда и тысячи товарищей. Командиру надо беспрекословно подчиняться. Измена может быть одна на тысячу. А никто ведь не отказывается ездить на пароходах потому, что из тысячи пароходов один, вероятно, потонет, благодаря разным причинам и между прочим благодаря тому, что капитан одного парохода может оказаться одновременно и главарем бандитской шайки»⁷⁹.

Число изменников было довольно велико. Это были как белые подпольщики, действовавшие в РККА, так и дезертиры, бежавшие из армии. За период 1918–1920 гг. из РККА дезертировал каждый третий генштабист — в общей сложности свыше 500 человек⁸⁰. В ряде случаев происходили коллективные измены. Так произошло, например, летом 1918 г. с Военной академией, штабом Приволжского военного округа, летом — осенью 1919 г. с полевым штабом 14-й армии и штабом 8-й армии. В отношении военспецов-перебежчиков в целом счет шел как минимум на тысячи. Подобное поведение связано во многом с бесправным положением бывших офицеров в Советской России, где их жизнь и судьба зависели от прихоти политработников и чекистов.

Для повышения лояльности специалистов и предотвращения многочисленных измен были приняты серьезные меры. Как еще в 1962 г.

справедливо отметил советский историк С.А. Федюкин, «фактов измены и предательства было бы значительно больше, а последствия их тяжелее, если бы партия не установила твердого и бдительного контроля за деятельностью военных специалистов в лице института военных комиссаров»⁸¹. Первоначально вся ответственность за измены военспецов возлагалась на комиссаров, однако события лета 1918 г. показали недостаточность такого контроля. Комиссары не могли предотвращать измены даже в немногочисленной касте генштабистов, не говоря уже об остальной офицерской массе. Взаимоотношения командиров и комиссаров приобретали личностный характер, при котором имели место как конфликты и конфронтации, так и симпатии. Не случайно, председатель РВСР Троцкий 21 мая 1919 г. сообщал своему заместителю Э.М. Склянскому для последующей передачи Ленину: «Эти фронтовые привязанности — наша общая беда»⁸². Разумеется, наличие дружеских отношений командиров и комиссаров вело к снижению уровня контроля над военспецами. Недостаточность комиссарского контроля для предотвращения измен привела к поискам иных форм борьбы с изменой.

Одним из способов было устрашение. В частности, 30 ноября 1918 г. Л.Д. Троцкий издал приказ об арестах членов семей изменников из представителей командного состава РККА. Впрочем, эта мера в силу разных причин распространения не получила.

Еще одним способом держать офицеров в напряжении были их произвольные и необоснованные аресты. Многие аресты просто невозможно логически объяснить. Объяснение им дал член РВСР К.А. Мехоношин: «К арестам же и обыскам специалистов я могу лишь порекомендовать относиться более спокойно — это есть одна из форм контроля и воздействия на них, дабы предавать и изменять было бы не так легко и без риска, что многих слабодушных удержит от измены»⁸³. Разгул террора против офицеров вызвал появление в августе 1918 г. докладной записки Всероссийского главного штаба в коллегию Наркомата по военным делам, в которой прямо отмечалось: «Проводимые ныне в отношении офицеров меры являются актами даже не классовой борьбы, а борьбы с профессией и притом с такой, которая необходима для Государства при всяких условиях его жизни»⁸⁴.

На VIII съезде РКП(б) во второй половине марта 1919 г. развернулась масштабная дискуссия об использовании военспецов в Красной

армии. Противниками политики массового привлечения военспецов была группировка, неформальным лидером которой выступал член ЦК РКП(б) И.В. Сталин (впрочем, всегда оставлявший себе свободу маневра). Ленин тогда поддержал отсутствовавшего Троцкого и подчеркнул важность использования культурно-буржуазного аппарата, не прибегая к излишнему притеснению специалистов, но контролируя их работу.

Именно на плечи военспецов легла вся техническая работа по формированию новой армии. По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, военспецы составляли 85% командующих фронтами, 100% начальников фронтовых штабов, 82% командармов, не менее 91% начальников армейских штабов, до 70% начальников дивизий и свыше 50% начальников штабов дивизий, более 90% преподавательского состава военно-учебных заведений периода Гражданской войны⁸⁵, что свидетельствует об их решающем вкладе в дело создания РККА. Не случайно В.И. Ленин весной 1920 г. неоднократно отмечал, что без военспецов не было бы ни Красной армии, ни ее побед⁸⁶. Подтверждают это и свидетельства белых военачальников. Так, видный деятель Белого движения на Востоке России генерал В.М. Молчанов в эмиграции отметил, что «спецы, которые служили в Красной армии, причиняли нам большой вред, потому что у них была высокая квалификация и опыт в военном деле»⁸⁷.

Постепенно в Красной армии стали складываться группировки партийных лидеров и поддерживавших их крупных военспецов. Военрук Высшего военного совета, а позднее начальник Полевого штаба РВСР М.Д. Бонч-Бруевич, главком С.С. Каменев и командующий Кавказским и Западным фронтами М.Н. Тухачевский были выдвинутыми Лениным. Выдвинутыми Сталина считались командующий Южным и Юго-Западным фронтами А.И. Егоров и командующий 14, 9 и 13-й армиями И.П. Уборевич. Главком И.И. Вацетис мог считаться ставленником Троцкого. В то же время занимавшийся практической военно-административной работой Троцкий, в отличие от политиканствовавших и интриговавших Ленина и Сталина, был в большей степени ориентирован на достижение успехов на фронтах и укрепление Красной армии, безотносительно того, чьими выдвинутыми были те или иные военачальники. По этой причине он не имел достаточного количества своих ставленников в высшем командном составе. Конфликты в большевистском руководстве нередко вели к резонансным делам в отношении военных специалистов, пользовавшихся покровительством тех или

иных партийцев. Например, такой характер носили массовые аресты военспецов в Полевом штабе Реввоенсовета Республики в июле 1919 г., в результате которых сменилось высшее военное руководство Советской России. Существуют различные версии этих событий, за которыми стояли Ленин, Сталин и Троцкий.

Важнейшей задачей большевиков было выстраивание мощной армии, в которой, несмотря на приоритетное положение партии, должен был все-таки существовать некий баланс интересов комиссаров и военспецов (при том, что буйные головы встречались как среди одних, так и среди других), поскольку было ясно, что одним принуждением эффективную армию не построить.

Многие бывшие офицеры служили в Красной армии отнюдь не из-под палки. Как отмечал в конце 1918 г. Л.Д. Троцкий, «советской власти совершенно ясно, что многие тысячи и десятки тысяч офицеров, вышедших из школы старого режима, получивших определенное буржуазно-монархическое воспитание, не могли сразу освоиться с новым режимом, понять его и научиться его уважать. Но за 13 месяцев советской власти для многих и многих из бывших офицеров стало ясно, что советский режим есть не случайность, а закономерно выросший строй, опирающийся на волю трудовых миллионов. Для многих и многих из бывших офицеров стало ясно, что никакой другой режим не способен сейчас обеспечить свободу и независимость русского народа от иностранного насилия»⁸⁸.

Известны случаи героического поведения военных специалистов. Некоторые за совершенные подвиги были награждены орденом Красного Знамени. Например, приказ о награждении командира Ударной Огневой бригады 51-й стрелковой дивизии бывшего штабс-капитана И.А. Ринка звучал следующим образом: «Командир Ударной Огневой бригады 51[-й] стрелковой дивизии, тов. **Ринк*** Иван Александрович — за выдающиеся мужество, храбрость и распорядительность в бою на Каховском плацдарме 15 авг[уста] 1920 г. против частей конного корпуса генерала Морозова. В этом упорном бою тов. Ринк, командуя 457[-м] полком, в течение нескольких часов выдерживал ожесточенные атаки более сильного противника, несмотря на страшное утомление и потери полка, изнемогавшего в неравной борьбе. Видя необходимость поддерживать передовые части, тов. Ринк, не имея резервов, собрал небольшую

---

* Выделено в документе.

группу истомленных жаждой и долгим боем красноармейцев и сам с винтовкой в руках повел их против атакующей кавалерии противника. Хладнокровие и спокойствие начальника воодушевили товарищей красноармейцев, которые продержались до темноты, когда противник вынужден был отступить.

По принятии Ударной Огневой бригады, тов. Ринк своими знаниями и преданностью делу значительно содействовал поднятию боеспособности бригады и вместе с ней блестящему выполнению поставленных бригаде боевых задач, благодаря чему был взят Перекопский вал, сломлено упорное сопротивление противника в междуозерном дефиле Перекопского перешейка и отрезан блестящим маневром выход на юг из междуозерных дефиле коннице Барбовича»⁸⁹.

Бывший генерал-майор А.П. Николаев, командовавший бригадой 19-й стрелковой дивизии, был взят белыми в плен в мае 1919 г. под Ямбургом. За отказ перейти к белым на службу его повесили⁹⁰. Аналогичный поступок совершил бывший генерал-майор А.В. Станкевич, командовавший 55-й стрелковой дивизией РККА. Попад в плен к белым на Южном фронте в октябре 1919 г., он отказался перейти к ним на службу, за что подвергся жестоким пыткам и был повешен. Позднее Станкевича с воинскими почестями похоронили у Кремлевской стены. Николаев и Станкевич были посмертно награждены орденами Красного Знамени.

Режим работы военспецов, в особенности специалистов Генерального штаба, был крайне напряженным. Из-за кадрового дефицита многие работали практически без отдыха, иногда по 17–19 часов в сутки. Работа без сна на протяжении нескольких дней была обычным явлением. При этом отношение к специалистам со стороны политического руководства было нередко исключительно потребительским — максимально использовать их знания и опыт, не считаясь с нагрузкой.

Для покрытия кадрового дефицита предлагались порой оригинальные способы. Так, Л.Д. Троцкий 1 января 1919 г. телеграфировал в Рязань в штаб 2-й стрелковой дивизии: «Недостаток офицер[ов] Генерального штаба не позволяет сосредоточить их в отдельных дивизиях, при крайней нужде фронта предлагаю комбинировать генштабов, бывших кадровых офицеров, бывших унтер-офицеров и новых красных офицеров в такой пропорции, чтобы командный состав не впадал в тупик, а был проникнут боевым революционным духом»⁹¹.

При содействии военспецов большевики смогли восстановить сеть дореволюционных военных училищ и академий, а часть военно-учебных заведений была создана с нуля, в том числе академия Генерального штаба.

Среди военспецов оказалось немало таких, кто сумел приспособиться к условиям и требованиям новой армии и даже сделал в ней стремительную карьеру. При отсутствии в Красной армии воинских званий карьера тогда определялась занимаемыми должностями. В период 1917–1922 гг. для быстрого должностного роста в Красной армии требовались личные качества и профессиональные умения, а также лояльность большевистской власти. Важную роль могла играть протекция со стороны того или иного партийного руководителя. Покровительственным и, в целом, доброжелательным отношением к военспецам среди большевистской элиты, например, известны Л.Д. Троцкий, С.И. Аралов (сам являвшийся бывшим офицером), М.В. Фрунзе. Впечатляющей карьерой за годы Гражданской войны могли похвастаться из числа бывших офицеров И.И. Вацетис, С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, А.И. Корк, М.И. Василенко (успевший послужить в 1918–1919 гг. даже у белых на Восточном фронте), дослужившиеся до уровня главнокомандующих, командующих фронтами и армиями — высших постов в советской военной иерархии.

Несколько бывших офицеров стали членами высшего органа советского военного управления — Реввоенсовета Республики. Среди них были бывшие полковники И.И. Вацетис и С.С. Каменев, бывший контр-адмирал В.М. Альтфатер, бывший подпоручик В.А. Антонов-Овсеенко, бывший штабс-капитан С.И. Аралов, бывший прапорщик Д.И. Курский, бывший мичман Ф.Ф. Раскольников. Таким образом, из 23 членов РВСР было 7 военспецов (хотя к дезертировавшему еще в Русско-японскую войну Антонову-Овсеенко термин «военспец» может относиться весьма условно), или 30,4% всех членов РВСР, причем Вацетис, Каменев и Альтфатер, которые единственные из всех членов РВСР являлись действительно квалифицированными военспецами, оставались тогда беспартийными.

Однако талантливые и популярные у красноармейской массы военачальники, обладавшие лидерскими качествами и харизмой вождей, вызывали беспокойство большевистского руководства, опасавшегося развития событий по бонапартистскому сценарию, когда на гребне революционной волны могла родиться военная диктатура. По этим

причинам популярных военных руководителей старались устранять. В этом отношении показательна расправа большевиков с возглавившим 2-ю Конную армию бывшим войсковым старшиной Ф.К. Мироновым, арестованным по ложному обвинению и расстрелянным в тюрьме в 1921 г.⁹²

Способом ухода от гнетущей действительности стало пьянство, позволявшее на время забыть о комиссарах и чекистах, отвлечься от воспоминаний об утраченной прежней жизни. Длительные запои целых штабов не были редкостью. Широкую огласку приобрел инцидент с двухнедельным пьянством командующего 14-й советской армией И.П. Уборевича и члена РВС Г.К. Орджоникидзе в 1920 г., когда привести в чувство незадачливых военных работников пришлось самому В.И. Ленину⁹³. О пьянстве главкома И.И. Вацетиса вспоминал его товарищ по службе бывший генерал А.Л. Носович, бежавший из Красной армии осенью 1918 г.: «В первый же день Вацетис пригласил меня обедать в штаб. Надо сказать, что встретил он меня обращением на “ты”, и вместо доклада мы дружески болтали. Во время закуски и обеда я был все время в центре его внимания. “Ну, брат, теперь выпьем... А что же теперь нам, военным, осталось, как не женщины, выпить, хорошо поесть и воевать...”»⁹⁴

Получили распространение и наркотики. Так, командующий 2-й советской армией В.И. Шорин, а также некоторые работники штаба армии в 1919 г. посещали проститутку и кокаиnistок Н.С. Соловьеву и Е.И. Сурконт, у которых также бывали агенты белых. Отрицательное влияние этих увлечений армейского руководства на штабную работу было ощутимым — Шорин и член РВС В.И. Соловьев стали реже появляться на службе, вызывая себе вели, компрометировали советскую власть, бывая со своими спутницами в общественных местах, а Соловьев даже попытался из-за женщины покончить с собой и получил ранение. По данным следствия, Сурконт угощала кокаином и легендарного начальника 28-й стрелковой дивизии В.М. Азина, из-за чего «до того времени цветущий и здоровый человек... стал совершенно больным»⁹⁵. Ранее Сурконт якобы сожительствовала с главнокомандующим Восточным фронтом М.А. Муравьевым.

Ради пользы дела большевики готовы были мириться даже с отдельными способными военспецами, замешанными в коррупционных делах. Таким незаменимым человеком, к примеру, являлся бывший штабс-капитан, начальник Центрального управления военных сооб-

щений РККА М.М. Аржанов, который успешно обеспечивал работу военных перевозок в Гражданскую войну. В то же время Аржанов допускал в работе значительные имущественные злоупотребления своим служебным положением⁹⁶.

Представление о характере службы бывших офицеров в Красной армии в разгар Гражданской войны дает официальная диаграмма распределения убыли летчиков из красного военно-воздушного флота в 1918–1919 гг. Всего из рядов советской авиации за это время выбыли 554 летчика. Из них 56 разбились насмерть, 59 пропали без вести, 92 получили ушибы и увечья, 18 умерли от ран, 15 были уволены по болезни, 63 дезертировали, 43 попали в плен, 92 арестованы, 39 перебежали и перелетели к противнику, 9 расстреляно, 68 выбыли по разным причинам⁹⁷. Суммарно дезертировали, перебежали и перелетели к противнику 102 человека. При суммировании с пленными — 145 человек, или 26,2%, по тем или иным причинам оказались в лагере противника или сбежали от большевиков, 13,4% погибли или умерли от ран, 19,3% оставили службу из-за ранений и болезней, 16,6% были арестованы, 1,6% были расстреляны. К началу 1920 г. в строю оставалось только 378 летчиков⁹⁸. Таким образом, до 44,4% потерь были связаны с пленом, дезертирством и репрессиями. Как уже отмечалось, дезертировать летчикам было сравнительно легко.

Советско-польская война вновь вызвала всплеск патриотических настроений в офицерской среде. В мае 1920 г. в центральных газетах было опубликовано знаменитое воззвание бывшего генерала А.А. Брусилова и ряда других старых генералов «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились» с призывом сплотиться в борьбе с внешним врагом. Однако это был лишь способ патриотического заигрывания с офицерством. Выпуск этого возвания оказал значительное влияние на тех бывших офицеров, которые еще не служили в Красной армии. Многие белые офицеры, поверившие этому возванию и сдавшиеся большевикам, были затем репрессированы.

К концу Гражданской войны комсостав Красной армии пополнился бывшими офицерами из белых и национальных армий. К 1 января 1921 г. таких было около 12 тысяч человек, или 5,53% комсостава РККА⁹⁹. В 1921 г. на учет было принято еще 2390 бывших белых офицеров. Среди этой категории военспецов оказались будущие Маршалы Советского Союза И.Х. Баграмян (бывший прапорщик) и Л.А. Говоров (бывший подпоручик)¹⁰⁰.

Однако от белогвардейцев старались избавляться, поэтому в результате увольнений в Красной армии было оставлено только 1975 бывших белых офицеров, что составило 2,3% командного состава. Из этого количества 33,3% не подлежали увольнению, так как являлись высококвалифицированными специалистами. В белом лагере подобное внимательное отношение к пленным военспецам и их активное и массовое использование на ответственных постах было невозможно. Бывшие белые офицеры были источником постоянного беспокойства советских органов госбезопасности. Для контроля над ними проводились неоднократные регистрации, неучастие в которых было уголовно наказуемо. В 1924–1927 гг. было проведено снятие бывших белых офицеров с особого учета, фактически ставшее новой перерегистрацией.

По данным на 1921 г. образовательный уровень командного состава Красной армии был следующим (табл. 1).

Таблица 1

Образовательный уровень комсостава РККА на 1921 г. (в %)¹⁰¹

Разряды должностей	Процентное соотношение					
	Окончили академию Генерального штаба	Бывшие кадровые офицеры	Бывшие офицеры военного времени	Окончили академию Генерального штаба РККА	Окончили командные школы и командные курсы РККА	Окончили учебные команды и не получившие военного образования
Высший комсостав	3,26	29,69	38,02	1,79	6,29	17,21
Старший комсостав	0,42	12,26	45,26	0,18	15,50	24,10
Весь комсостав (до командиров взводов включительно)	0,28	3,71	24,99	0,11	26,17	41,55

Итак, 41,5% комсостава не был подготовлен для занятия командных должностей. Такова была цена создания массовой армии.

Коммунистов в высшем комсоставе в 1921 г. было 41,1%. Всего в 1920 г. партийного комсостава насчитывалось лишь 10,5%. Интересно, что никто из военспецов, занимавших высшие посты в РККА того времени, не был партийным. Беспартийными были и М.Д. Бонч-Бруевич, и главкомы И.И. Вацетис и С.С. Каменев (вступил в партию только в 1930 г.), и начальники Полевого штаба РВСР Н.И. Раттэль, П.П. Лебедев и Ф.В. Костяев, и другие, усилиями которых была достигнута победа красных в Гражданской войне. В то время членство в партии еще не воспринималось как необходимость для продвижения по службе или укрепления своего положения.

Данные о командном и административном составе РККА за 1922 г. представляются следующими (табл. 2).

Таблица 2

Командный и административный состав РККА в 1922 г.¹⁰²

Год рождения	Число лиц	В %-ном отношении
1850–1854	1	0,001%
1855–1859	—	—
1860–1864	49	0,054%
1865–1869	90	0,098%
1870–1874	215	0,233%
1875–1879	363	0,394%
1880–1884	1102	1,086%
1885–1889	4288	4,702%
1890–1894	12508	13,549%
1895–1899	52520	56,921%
1900–1904	21182	22,946%
1905	14	0,016%
Итого	92332	100%

Согласно таблице 2, комсостав Красной армии был очень молодым — 93,4% командно-административного состава РККА в 1922 г. находились в возрасте 18–32 лет, в том числе около 57% в возрасте 23–

27 лет. По данным отчета Наркомата по военным и морским делам, в 1922 г. в РККА числилось: 4710 кадровых офицеров, получивших образование до 14 июля 1914 г., 16 592 офицера военного времени, 39 896 командиров без военной подготовки, 220 выпускников военных академий¹⁰³, 2372 выпускника высших школ, 12 752 выпускника школ и курсов комсостава¹⁰⁴. Из этих данных следует, что в конце Гражданской войны военных специалистов оставалось не более 23% комсостава.

Доля бывших офицеров в командном составе РККА постепенно снижалась. Если в 1918 г. они составляли 75% комсостава, то в 1919 г. — уже 53%, в 1920 г. — 42% и в конце 1921 г. — 34%. У этого процесса были объективные (подготовка новых кадров красных командиров, преклонный возраст некоторых военспецов) и субъективные причины (очищение командно-начальствующего состава от «классово чуждых» элементов и репрессии). Некоторые бывшие офицеры в 1920-е гг. легально и нелегально уехали из Советской России за рубеж.

По данным на 10 февраля 1931 г., в сухопутных и военно-воздушных силах, а также в центральном аппарате было 6328 бывших офицеров, в том числе 1055 кадровых и 122 бывших белогвардейца, что составляло 12,5% начальствующего состава¹⁰⁵. Процент военспецов в высшем командном составе был существенно выше, доходя до 67,6% в сухопутных войсках.

Советские органы госбезопасности обладали исчерпывающей информацией о положении и взаимоотношениях в среде бывших офицеров в СССР. В их среду активно внедрялась секретная агентура из таких же военспецов. Органами госбезопасности для служебного пользования издавались книги учета бывших белых офицеров (к примеру, лишь одна такая книга, подготовленная в 1931 г. ГПУ УССР, содержала сведения на 21 тысячу офицеров и военных чиновников¹⁰⁶). Как и до революции, офицеры в СССР оказались связаны круговой порукой. Если до 1917 г. она проявлялась в корпоративном духе офицеров, в их многовековых традициях и принципах, то теперь такая порука была им навязана извне, органами госбезопасности и режимом, и сводилась к необходимости доносить обо всем подозрительном. Фактически органы ОГПУ — НКВД переложили немалую часть своей работы на тех, кого сами должны были контролировать.

Массовые репрессии 1930-х гг. (дело «Весна» 1930–1931 гг. и Большой террор второй половины 1930-х гг.) нанесли тяжелый удар по бывшим офицерам, немалая часть которых была уволена из армии, необосно-

ванно арестована и расстреляна. Жертвами репрессий стали многие из тех, кто внес наиболее весомый вклад в создание Красной армии и в ее победу в Гражданской войне (И.И. Вацетис, А.И. Геккер, А.И. Егоров, А.И. Корк, Н.И. Ратгэль, А.А. Свечин, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич и многие другие). Немногочисленные уцелевшие после чисток и продолжавшие служить в Красной армии бывшие офицеры приняли участие в Великой Отечественной войне, внося свой посильный вклад в дело победы над нацизмом.

Военные специалисты сыграли важнейшую роль в создании и укреплении Красной армии. Благодаря их деятельности Красная армия сохранила преемственность от старой русской армии. Наличие среди военспецов многих высокообразованных офицеров способствовало повышению интеллектуального уровня Красной армии. Несмотря на трудное существование в советских условиях, недоверие, репрессии, военспецы сумели передать свои знания и опыт следующим поколениям советских командиров, что в конечном итоге способствовало как победе в Великой Отечественной войне, так и превращению Советской армии в самую грозную вооруженную силу в мире в послевоенный период.

ОФИЦЕРЫ В БЕЛЫХ АРМИЯХ

Офицерство сыграло важнейшую роль в истории Белого движения, выступило в качестве его движущей силы. Само это движение было создано и возглавлялось кадровыми офицерами, выражало их мировоззрение и идеалы.

Офицерская масса в основном встретила большевистский переворот пассивно. В центрах страны, а также в центрах военных округов в тот период концентрировались десятки тысяч офицеров (в Москве — по разным оценкам около 50 тысяч, в Киеве — 20–40 тысяч, в Харькове — 12 тысяч, в Ростове-на-Дону и Херсоне — по 15 тысяч, в Пскове, Минске, Екатеринодаре и Симферополе — по 10 тысяч, в Полтаве и Житомире — по 5000 офицеров, более 17 тысяч офицеров числились в гарнизонах Казанского военного округа¹⁰⁷), однако они не поддержали ни новую власть, ни ее противников. Важно отметить, что офицерство в немалой степени оказалось сосредоточено в

городах, контролировавшихся советской властью. Непосредственно в послеоктябрьский период (с октября 1917 по февраль 1918 г.) против большевиков по всей бывшей Российской империи выступили только несколько тысяч офицеров¹⁰⁸.

В белые армии, в которых в основном сохранялись нормы старой императорской армии, шли те, кто уверенно продвигался по служебной лестнице до 1917 г. и имел для этого достаточные знания и навыки работы. Более того, служба в антибольшевистских формированиях для значительной части бывших офицеров Русской императорской армии, при их традиционной системе мировоззрения, носила в гораздо большей степени идейный характер, чем служба в РККА, и вдобавок не являлась принудительной. Иными словами, в антибольшевистских армиях, в отличие от РККА, для офицерства существовали более приемлемые условия.

Причины добровольного поступления офицеров в белые армии, о которых будет сказано ниже, с теми или иными особенностями характерны для всех белых армий и фронтов. К белым шли патриотически настроенные офицеры, которые ощущали резкое неприятие разложения армии, идеологии и пропаганды пораженчества, пропаганды классово-сословной розни, которую вели большевики. Для многих из них большевики ассоциировались с германским шпионажем и олицетворяли внешнего врага. Приход их к власти в стране казался предвестником окончательной гибели государства.

При этом многие, даже образованные офицеры, будучи далеки от общественно-политической жизни, не могли разобраться в текущих событиях и мыслили примитивными категориями темных обывателей. Бывший колчаковский генерал В.Н. Касаткин наивно записал в эмиграции: «До 1917 г. существовала одна эра — эпоха христианская; после 1917 г. настала другая — антихристианская. Две тысячи лет тому назад пришел мир Христа и основал мир Добра и Любви. В 1917 г. пришел мир Ленин и основал мир зла и ненависти»¹⁰⁹.

Вовлеченный в политическую жизнь еще до революции и ориентированный в этом вопросе несколько лучше своих товарищей полковник Б.А. Энгельгардт удачно охарактеризовал настроения конца 1917 — начала 1918 г. среди «бывших» людей, в том числе офицеров: «Представления о социализме и коммунизме у большинства этих людей... были самые примитивные, и поскольку они легко примирились со свержением царя и продолжали работать при Керенском, сдвиг от

Керенского к Ленину не должен был казаться им непреодолимым. И Керенский и Ленин находились оба за границей их политических представлений, а разобраться в том, какая пропасть отделяла Ленина от вожаков Временного правительства, они не умели. Но всех этих людей пугали решительные меры, направленные к полной ликвидации старого уклада жизни. Они видели перед собой разрушение всего того, к чему они «привыкли», того, что в их глазах олицетворяло русскую государственность»¹¹⁰.

В политическом отношении многих офицеров удовлетворяли лозунг «единой и неделимой России» и программа генерала Л.Г. Корнилова с курсом на твердую власть военной диктатуры, наведение порядка в стране и созыв Учредительного собрания, которое должно было предопределить характер будущего государственного устройства. Однако по мере разрастания Гражданской войны ряды белых пополнялись офицерами, придерживавшимися и других политических взглядов, что не могло не размывать политическую платформу белых, делая ее более аморфной. Как отмечал современник, «идеологические расхождения сказывались и в среде вождей Добровольческой армии: Деникин и Романовский на многое смотрели другими глазами, чем Драгомиров и Лукомский... Взгляды на устройство этого старого мира бывали у них так различны, что это губительно действовало на общую работу»¹¹¹.

Базирувавшийся на игнорировании общественно-политической жизни общества примитивизм понимания политической стороны событий 1917–1922 гг. отличал лидеров Белого движения (впрочем, мировоззрение военспецов было таким же). Генерал А.Ф. Матковский на судебном процессе над колчаковскими министрами дважды отказывался отвечать на вопрос, что он понимает под политикой, лишь после третьего настояния обвинителя он сообщил, что политикой считает «вмешательство в руководство государственной жизнью»¹¹². Характерно описание принятия генералом А.И. Деникиным внутривнутриполитической программы, разработанной для него кадетом Н.И. Астровым в конце 1919 г. После зачитывания пунктов программы главком ВСЮР заявил присутствующим на совещании: «Все это лирика»¹¹³, однако вскоре эта программа появилась в наказе Деникина. Современники отмечали, что Деникин легко поддавался под влияние политических советников, поскольку сам в политике не разбирался и не хотел ею заниматься.

Об уровне политической сознательности представителей белого командования свидетельствует характерная зарисовка современника: «Генерал Ф.Ф. Абрамов... был просто солдат и как таковой знал только одну политику — беспрекословное повиновение своему начальству. Я работал бок о бок с ним свыше года и не только не мог определить его политической физиономии, но даже узнать, есть ли у него вообще какие-нибудь политические взгляды. Это была бессловесная машина, заведенная в определенном направлении»¹¹⁴. Разумеется, подобные неосознательные военачальники были слабым ориентиром для тех, кто им подчинялся. Неудивительно, что выступления Абрамова перед казаками были сухими и не оставляли никакого следа¹¹⁵.

Конечно, лидеры белых не могли вовсе уйти от ответов на злободневные политические вопросы, хотя, учитывая то, как тяготились политикой белые генералы, они предпочли бы совершенную аполитичность, если бы это только было возможно. По сути, известный ограниченный набор политических лозунгов (принцип «непредрешенчества» будущей формы правления в стране, ликвидация большевизма и передача всей власти Учредительному собранию, которое будет решать судьбу страны) стал своеобразной формой ухода белой военной элиты от мучительных и непонятных политических вопросов. На разных фронтах эти вопросы решались со своими особенностями, но в целом схожим образом. Абсолютное большинство так называемых белых вождей оказались приверженцами курса кадетской партии. В ряде случаев такие лидеры были готовы на различные компромиссы и союзы с представителями других политических сил. Например, оренбургский атаман А.И. Дутов был склонен к сотрудничеству со всеми противниками большевиков от крайне правых до социалистов. Подобная аморфность и разнородность течений, отсутствие единой идеологии стали отличительными чертами Белого движения и отчасти предрешили его неудачу.

* * *

Наиболее мощным антибольшевистским фронтом Гражданской войны стал фронт, постепенно возникший на Юге России. Именно здесь в начале 1919 г. в единую структуру соединились разнородные вооруженные формирования. Очевидно, что этот фронт привлек и наибольшее количество офицеров, стремившихся бороться с красными. Офи-

перство белых формирований Юга России было неоднородным и по своему социальному составу, и по политическим взглядам. Разумеется, были у этих людей и общие качества и особенности.

В конце 1917 г. противники большевиков, жаждавшие активной борьбы, бежали с фронтов или из центра страны на Дон, где генерал М.В. Алексеев формировал Добровольческую армию. Наиболее мотивированное и сплоченное идейное ядро и руководство этой армии составили почти исключительно участники не удавшегося в августе 1917 г. выступления генерала Л.Г. Корнилова, арестованные в городе Быхов (рядом со Ставкой в Могилеве, где многие прежде служили) и бежавшие оттуда в ноябре на Юг.

В белые армии попадали и офицеры, проживавшие на окраинах страны, контролировавшихся антибольшевистскими правительствами. Формировавшиеся для распыления антибольшевистских сил при поддержке Германии армии монархической и прогерманской ориентации (Южная и Астраханская армии) привлекали приверженцев соответствующих течений.

Полковник Б.А. Штейфон так описывал свои переживания рубежа 1917–1918 гг. и причины перехода к борьбе с большевиками: «В душе горело не замирающее чувство национальной обиды. Чувство и рассудок не могли примириться с созданным положением и подсказывали, что надо что-то делать. О Добровольческой армии я ничего не знал. Мысль лихорадочно работала в одном и том же направлении: почему анархическая солдатская масса осилила элементы порядка? Почему зверь победил человека? Трудно, да и невозможно было в те дни разобраться в причинах русской трагедии. Ясно стало только одно: зверь победил потому, что действовал скопом, а человек — разрозненно. Следовательно, необходимо было прежде всего или создать какую-то организацию, или, если таковая уже имелась в Харькове, — вступить в ее состав...

Лик революции всегда отвратителен. Российская революция, вызвавшая высокие лозунги, принесла, прежде всего, полное забвение права и полную переоценку решительно всех духовных ценностей. Никогда, даже в самые черные дни опричнины или биро[но]вщины, насилие и произвол не владели нашей несчастной Родиной так, как в эпоху революции. Ужасы Свеаборга, Кронштадта, Севастополя, бесчисленные насилия над офицерами на фронте, воспоминания о собственных тяжелых переживаниях, все это обостряло мою гордость и упрочивало

сознание, что невозможно, недопустимо покоряться тому циничному злу, какое совершалось именем революции. Что позорно ожидать с покорностью и с непотривлением своей очереди, когда явятся людо-звери и уничтожат меня, как беспомощного слепого щенка.

Подобные настроения диктовали и программу действий: мне представлялось необходимым организовать самозащиту, доказать морально приниженному, запуганному офицерству, что мы можем быть силой, если объединимся, если наша воля пожелает отвечать на насилие насилием. Ибо слова, убеждения, все воздействие подлинной культуры не производили никакого впечатления на большевиков. Сила, грубая физическая сила являлась фактором единственно убедительным для них»¹¹⁶.

Путь к белым с фронтов Первой мировой или из центра Советской России был сопряжен с колоссальным риском, что, разумеется, влияло на сокращение потока желающих попасть в антибольшевистские формирования, так как само по себе воплощение решения присоединиться к ним требовало большого личного мужества. В конце 1917 — начале 1918 г. офицеры были, пожалуй, самой бесправной категорией населения рухнувшей империи, их можно было безнаказанно ограбить и убить при одобрении и попустительстве возвращавшейся с фронта разложившейся солдатской массы. Сохранились десятки потрясающих воображение свидетельств о том, как офицеры пробирались в Добровольческую армию. Чтобы не быть казненными просто за офицерские погоны, они передевались рядовыми, беженцами, гражданскими, прятались в эшелонах, пробирались к месту назначения окольными путями, избегая железных дорог¹¹⁷. Множество офицеров при этом были бессудно убиты. Постепенно красные ужесточали пропуск пассажиров на Юг, в результате чего поступление офицеров в Добровольческую армию этим путем сошло на нет.

Измученные произволом офицеры были рады укрыться в Добровольческой армии. Уже упоминавшийся Б.А. Штейфон впоследствии отметил, что, оказавшись в Добрармии, «впервые после революции я, как офицер, дышал свободно, где все было мне близко и понятно. Где я мог бы заняться привычным мне делом и перестать быть конспиратором»¹¹⁸.

Причины поступления офицеров в белые армии (помимо стечения обстоятельств и мобилизации) были многообразны. Можно отметить патриотический порыв, стремление навести порядок в стране и ар-

мии, неприятие большевизма и нерусских националистических движений, террористических методов управления, разложения армии, идеологии и пропаганды пораженчества, пропаганды классово-сословной розни.

Другой причиной было стремление блюсти верность союзникам России по Первой мировой войне, продолжать войну с немцами до победного конца, восстановить Восточный фронт и территориальную целостность страны. Часть офицеров испытывала потребность в профессиональной самореализации, желание заниматься военным делом (служить Родине) безотносительно правящего режима. Некоторые примкнули к белым под влиянием призывов авторитетных генералов М.В. Алексева и Л.Г. Корнилова, ранее принадлежали к участникам движения генерала Корнилова и к его сторонникам.

Разумеется, на выбор в пользу белых влиял и корпоративизм офицерства — стремление защитить права офицеров, объединиться перед угрозой террора и преследований офицерства по всей стране.

Некоторые, как и в случае с поступившими в РККА, просто продолжали служить по инерции в органах старой армии, трансформировавшихся в органы белых армий (например, в администрациях казачьих войск, военно-учебных заведениях, оказавшихся в занятых белыми районах). Схожим образом определились и те, кто оказался связан местом жительства или родственными узами с регионами, контролировавшимися белыми.

Еще одной очевидной причиной участия офицеров в Белом движении являлось стремление укрыться от антиофицерского террора, проводившегося в Советской России.

Наконец, влияли на выбор офицеров и отсутствие средств к существованию и для обеспечения семьи, материальные интересы.

Здесь следует отметить, что, по всей видимости, карьеризм не играл значимой роли среди причин перехода офицеров на сторону белых. Слишком туманны были перспективы Белого движения на этапе его зарождения. Имели место и разнообразные сочетания причин и мотивов. Например, если офицер испытывал потребность в профессиональной самореализации, но при этом негативно относился к большевикам.

На начальном этапе Гражданской войны у перехода на сторону белых было гораздо больше минусов и рисков для офицера, чем в случае занятия выжидательной позиции и пребывания по инерции на месте

прежней службы. Шансы на успех всего дела были не очевидны, а перспективы карьерного роста более чем сомнительны. В такой обстановке среди причин поступления к белым на протяжении 1917–1918 гг. преобладал идейный антибольшевизм. К тому времени, когда белые смогли развернуться и действительно стали выглядеть заманчиво в карьерном плане как возможные победители в Гражданской войне (то есть на протяжении части 1919 г.), большинство офицеров уже сделали свой выбор в ту или иную сторону. Перебежчики из Красной армии едва ли могли рассчитывать не только на серьезное карьерное продвижение у белых, но даже на забвение их прежней службы большевикам.

Полковник А.В. Черныш вспоминал о мотивах своего решения присоединиться к белым в мае 1918 г.: «До Киева я медлил с окончательным решением — куда ехать? На севере, в центре большевизма, в г. Орле была моя горячо любимая семья, жена и четверо детей. Несколько месяцев я не знал о ней ничего. Судьба ее меня до крайности волновала, тревожила. Но ехать в Орел — это значит проходить через большевистский фронт... рисковать жизнью и, в лучшем случае, стать, значит, на сторону большевиков, чтобы сохранить себя для семьи.

Другой выход был — ехать на юг, где что-то делалось — как, в каком размере, не было известно нам толком, — но факт был без сомнения. Поехать и стать в ряды поднявших меч за честь и самое существование Отечества — только во имя этого можно было пожертвовать всем и даже своей семьей. В крайности, при неудаче и этого намерения, обратиться к своим родным, отцу и матери, жившим в г. Ейске, на Кубани, и там осмотреться и выждать более подходящей обстановки для сношения с семьей или поездок туда»¹¹⁹.

Существует точка зрения, что кадровые офицеры больше ценили реальные должности, полагавшиеся им у красных, чем чины, которые могли предложить белые¹²⁰. Однако этот тезис не может быть научно доказан, поскольку едва ли офицер имел возможность сравнивать и выбирать предпочтительные условия службы в объятый хаосом стране. Думается, в обстановке идейного раскола и братоубийства, при необходимости выживать, вопрос о привилегиях и наградах был отнюдь не приоритетным.

На выбор в пользу белых армий, очевидно, влиял фактор красного террора, произвол на местах, ассоциировавшийся с большевика-

ми (хотя они не всегда были за это ответственны, особенно в период 1917 — первой половины 1918 г.). От террора и произвола страдали как сами офицеры, так и их семьи. В 1918 г. в имении Горки Могилевской губернии была убита и сожжена Елена Константиновна Дитерихс — родная сестра видного военачальника, в будущем одного из лидеров Белого движения генерала М.К. Дитерихса¹²¹. У будущего участника Белого движения полковника К.Л. Капнина в начале 1918 г. красными были убиты дядя и двоюродные братья, сам Капнин вместе с братом был вынужден скитаться по горам, сидел в новороссийской тюрьме и едва не погиб¹²². Как отмечал он сам, «чувство долга офицера и гражданина звало туда на поля битв в ряды добровольцев, дерущихся за Родину»¹²³. У штабс-капитана А.В. Туркула (впоследствии генерала, начальника Дроздовской дивизии) в конце 1917 г. в столкновении с красными матросами в Ялте погиб брат, тоже офицер, находившийся в госпитале после ранения. В итоге Туркул приобрел известность как один из самых кровожадных белых командиров, беспощадно истреблявший пленных большевиков. Ненависть таких офицеров к большевикам приобретала личный мотив, а определяющим порой становилось чувство мести.

Добровольческая армия, ставшая основой антибольшевистских формирований Юга России, была создана несколькими группами офицеров Генерального штаба, сложившимися еще до большевистского переворота. Основу армии составила организация генерала М.В. Алексеева. Второй организационной составляющей стала группа офицеров — участников выступления генерала Л.Г. Корнилова, позднее оказавшихся в заключении в Быхове и выпущенных оттуда по приказу генерала Н.Н. Духонина. Разными путями они пробрались из Быхова в Новочеркасск, где с ноября 1917 г. под прикрытием донской казачьей власти во главе с атаманом, генералом от кавалерии А.М. Калединым начали формировать новую армию. Каледин, Алексеев и Корнилов образовали своеобразный триумvirат вождей, руководивших антибольшевистским движением на Юге России в конце 1917 — начале 1918 г. Расчет М.В. Алексеева на возможность возрождения страны с Дона и Кубани оказался верным, именно южнорусское Белое движение стало наиболее мощным из антибольшевистских фронтов.

Непосредственно во главе Добровольческой армии с самого ее основания стояли генералы М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов и А.И. Деникин.

Все трое были выдающимися офицерами Генерального штаба, но каждый обладал своими особенностями. Так, Алексеев был крупнейшим стратегом и военным администратором России, но для многих офицеров являлся фигурой одиозной, ассоциировавшейся с вынужденным отречением от престола императора Николая II, произошедшим, по сути, благодаря позиции Алексеева. Не случайно на могиле Алексеева в Белграде во избежание осквернения ее монархистами долгое время было выбито только его имя «Михаил» без фамилии. Весьма характерен и развернутый отзыв Алексеева об императоре как о ничтожном, безвольном, неискреннем и глупом человеке¹²⁴. С другой стороны, многие офицеры ехали на Дон именно из-за того, что там находился авторитетный Алексеев.

С прибытием 6 декабря 1917 г. в Новочеркасск генерала Л.Г. Корнилова организация вышла из подполья, создан единый штаб Добровольческой армии. Объединение Алексеева, Корнилова и Каледина произошло под давлением со стороны московских общественных деятелей, обещавших поддержку лишь при условии совместной работы генералов¹²⁵.

Командование рассчитывало сформировать 6–10 пехотных дивизий¹²⁶, однако для этого не было ни сил, ни средств. Из-за невозможности доверять солдатам все младшие командные должности должны были замещать офицеры. В Ростове-на-Дону находилось до 15 тысяч офицеров, но лишь немногие из них поступили в Добровольческую армию, а провести мобилизацию малочисленные белые не имели сил и возможностей. До 50% первых добровольцев составляли обер-офицеры. В Добровольческую армию пробирались офицеры с фронтов, из столиц, а также из крупных центров Юга. Заметную роль в этом играла благотворительная организация «Белый крест». Только из Москвы при помощи сестры милосердия М.А. Нестерович-Берг в конце 1917 — начале 1918 г. было переброшено на Дон 2627 офицеров¹²⁷. Пополняли ряды армии и офицеры в составе уже сформировавшихся частей, например Корниловского ударного полка. Летом — осенью 1918 г. активно прибывали офицеры с Украины и из Новороссии.

Для упорядочения потока добровольцев летом 1918 г. возникла система центров Добровольческой армии (в Киеве, Одессе, Харькове, Симферополе, Тифлисе, Екатеринославе, Таганроге, на Тереке, в Тирасполе, Феодосии и Севастополе), которые направляли по-

полнения в армию в организованном порядке. Летом 1918 г. через центры было переброшено в армию, прежде всего, через Харьков и Одессу 3500 добровольцев, включая офицеров¹²⁸. Уже осенью 1918 г. в связи с переизбытком офицеров центры получили следующие инструкции по их отбору: «1) Необходимо направлять в армию обер-офицеров и солдат; из штаб-офицеров отправлять лишь тех, кои согласятся первое время быть на должностях младших офицеров; отправляемые штаб- и обер-офицеры должны иметь не свыше 40 лет от роду (имеющих свыше 40 лет брать с особым разбором); генералов, кроме получивших именные приглашения, вовсе не отправлять. Штаб-офицеров Генерального штаба, если они не пожелают служить в строю (на должности помощника командира полка), также не направлять.

2) Офицеры Генерального штаба, служившие в украинской армии, лишаются раз навсегда мундира русского Генерального штаба; в случае прибытия таких офицеров в армию, они могут поступать лишь на должности рядовых (сохраняя свои офицерские чины); то же относится и ко всем генералам (не только Генерального штаба), служившим в украинской армии после прихода немцев на Украину»¹²⁹.

Офицеры-добровольцы заключали четырехмесячные контракты, что представлялось крайне ненадежным способом удержать людей в армии. Тем более что Гражданская война затянулась, а красные с лета 1918 г. перешли к мобилизации бывших офицеров. В этой связи в ноябре 1918 г. началась мобилизация всех штаб- и обер-офицеров до 40 лет. В декабре были отменены и четырехмесячные контракты.

Позднее белыми предпринимались частичные мобилизации. Так, в январе 1919 г. такая мобилизация офицеров до 40 лет прошла в Крыму¹³⁰. Однако тысячи офицеров уклонились от поступления в Добровольческую армию.

С самого начала в армейском руководстве стали возникать конфликты, сопровождавшие Белое движение на Юге России от начала и до конца. Так, быховцы попытались отстранить генерала Алексеева от руководства армией, считая его монархистом, тогда как сами были республиканцами. Сторонники Алексеева оценивали быховцев невысоко, так как провал дела Корнилова по причине плохой подготовки не давал «уверенности в строгом расчете всех действий генерала Корнилова и в его умении не поддаваться на авантюру»¹³¹. Между Корниловым и Алексеевым существовала и личная неприязнь. Тем более

что Корнилов в 1917 г. угрожал арестовать Алексеева и даже арестовал его сына.

Существовали разногласия и внутри самих быховцев. 29 декабря 1917 г. генерал И.П. Романовский писал жене о Корнилове: «Не лучше и на верхах. Я писал тебе, что все время занимался дипломатией, все склеивал то, что расплзлось. Раза два уже впечатление было: ну вот, наконец, склеил. Смотришь — и опять разъехало. И сейчас, кажется, опять расплзается. Давно у меня уже закрадывалось сомнение относительно нашего приятеля, не доминирует ли у него над всем честолюбие, и теперь я прихожу к убеждению, что это так... честолюбие такое, которое не хочет ни с чем считаться, не хочет считаться с тем, что раз он прогорел и растратил свое состояние, что теперь надо бросить замашки миллионера и некоторое время посвятить накоплению состояния и при этих условиях быть иногда скромным и, может быть, занимать не первое место. И ты понимаешь, что я начинаю терять спокойствие, когда вижу, что в вопросах, когда сталкиваются интересы Родины и личные, последние доминируют»¹³². Атмосфера была столь неблагоприятной, что в 1918 г. в командном составе Добровольческой армии некоторое время существовала мысль о необходимости самороспуска армии¹³³.

Генерал М.В. Алексеев, в отличие от Корнилова, не страдал неумеренным честолюбием. Он прямо отмечал: «Я ничего не искал и не ищу лично для себя. Найден другой — достойнейший — ему и книги в руки, а я или ухожу в частную жизнь (пора), или остаюсь при Добр[овольческой] армии, ставя целью развитие ее до пределов, отвечающих общегосударственным задачам»¹³⁴.

В январе 1918 г. штаб Добровольческой армии переехал из Новочеркаска в Ростов-на-Дону. Численность армии к этому времени составляла около 5000 человек. Создатели Добровольческой армии при ее формировании столкнулись с немалыми трудностями. Достаточно отметить, что в январе 1918 г. до четверти всего состава пятитысячной армии составляли служащие штабов и тыловых учреждений¹³⁵. Развернуть армию не удалось. Казачество, в большинстве своем, воевать не хотело. Чувство одиночества в борьбе привело донского атамана А.М. Каледина к самоубийству. В связи с неудачей борьбы с красными на Дону Добровольческая армия была вынуждена покинуть Ростов и уйти на Кубань — в 1-й Кубанский (Ледяной) поход. Полковник С.М. Трухачев, возглавивший строевой отдел штаба армии, впослед-

ствии писал: «Куда мы идем, надолго ли уходим — об этом никто не знал и не заикался. Как будто было неловко касаться этого вопроса»¹³⁶.

Как справедливо отмечал генерал Н.Н. Головин, перефразируя известное высказывание Деникина о походе армии «за синей птицей»: «Стратегия “погони за синей птицей” — плохая стратегия; в крайней своей форме она напоминает Дон Кихота, сражающегося с ветряными мельницами»¹³⁷.

Фактически никакого определенного плана действий в штабе армии не было, разведка организована не была, информация о внешнем мире практически отсутствовала, руководство в своих решениях нередко основывалось на слухах, подробная карта имелась только у самого Корнилова, причем ежедневно вечером с нее перечерчивалось 15–20 схем на ближайший период, которые рассылались частям вместе с приказами. Лишние копии оставлялись для штаба¹³⁸. До штурма Екатеринодара в штабе армии не имелось ни одного телефонного аппарата, не было писарей и пишущих машин.

Существовали фантастические предположения о захвате Кубани и соединении там с мифическими отрядами генерала И.Г. Эрдели (генерал там находился только в роли наблюдателя и никаких отрядов не формировал), о наступлении на Кубань в эшелонах, всерьез обсуждалось предложение отсидеться на Кубани около месяца, пока большевизм не исчезнет сам собой, и т.д. На самом деле вопрос стоял только о сохранении ценнейшего кадра из тех нескольких тысяч офицеров-добровольцев, которые по идейным соображениям поступили в армию. Кубань давала выход к Черному морю, связь с союзниками и опору на кубанское казачество. Лишь в отдаленной перспективе белые стратеги надеялись создать более мощную вооруженную силу, и эти надежды оправдались.

Удивительные картины представлял собой 1-й Кубанский (Ледяной) поход Добровольческой армии. В условиях нехватки нижних чинов и переизбытка офицеров последние выполняли несвойственные им функции. Например, обычным делом было отправить в дозор офицеров Генерального штаба¹³⁹. Результатом стали многочисленные ранения и гибель представителей военной элиты. Достаточно отметить, что из генштабистов в период 1-го Кубанского похода был убит генерал Л.Г. Корнилов, ранены генерал И.П. Романовский (в ногу, остался в строю), полковник И.Ф. Патронов (в голову, потерял глаз). Потери армии достигали 40% первоначального состава.

Однако армию, на две трети состоявшую из офицеров, отличал высочайший боевой дух. 1-й Кубанский поход дает множество примеров героизма личного состава. Стратегические разногласия в руководстве проявились по вопросу о необходимости штурмовать Екатеринодар. Взятие столицы Кубани, по мнению генерала Романовского, давало возможность провести успешную мобилизацию казаков, прибавляло армии авторитет. С другой стороны, для штурма требовались значительные силы, а сам штурм мог быть сопряжен с серьезными потерями, опасными в виду малочисленности Добровольческой армии.

Тем не менее попытка штурма города была предпринята. В ходе осады Екатеринодара 31 марта (13 апреля) 1918 г. погиб генерал Корнилов. Командование армией принял генерал А.И. Деникин, в 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего, а в 1918 г. — помощник командующего армией, которого в войсках почти не знали.

Гибель Корнилова воспринималась в армии неоднозначно. По мнению полковника А.А. фон Лампе, изложенному в его дневниковой записи от 2 (15) августа 1919 г.: «По-моему, с Корниловым было бы много тяжелее, и мы давно, находясь под флагом с т а р о й* Учредилки, должны были бы, подобно уфимской Директории, пережить государственный переворот. Но с характером Корнилова и ввиду отсутствия людей, равных ему по характеру, все бы положение сильно осложнилось.

Судьба знает, что делает. Может быть, отдав судьбы армии в руки слабовольного, но, безусловно, прямого и честного Деникина — она и приведет нас к успеху. Пока в общем надо признать, что его политика оказывалась всегда правильной»¹⁴⁰.

Штаб Добровольческой армии был сформирован в основном из первопоходников. Присоединившиеся к армии позднее могли выдвигаться на руководящие посты с большим трудом безотносительно их квалификации. Как следствие, белый тыл был наводнен опытнейшими генералами, не получившими должностей, а на руководящих постах зачастую оставались неподготовленные молодые офицеры, единственным достоинством которых было то, что они имели большой стаж службы у белых¹⁴¹. К примеру, генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии полковник Д.Н. Сальников считался алкоголиком,

---

* Разрядка фон Лампе.

причем характеризовался как «по утрам до полудня не приходивший еще в состояние полного умственного равновесия от выпивки предшествовавшего вечера»¹⁴². После скандальной вечеринки с сестрами милосердия, завершившейся дракой с его участием, Сальников был снят со своей должности. Позднее оказался у белых на Восточном фронте, где, как говорили, не принес пользы. Ему на смену пришел полковник Ю.Н. Плющевский-Плющик, добросовестный офицер, но со средними способностями. Генерал В.В. Чернавин в этой связи констатировал, что «была же у Деникина полная возможность подобрать к себе в Ставку выдающихся офицеров Ген[ерального] штаба, талантливых, добросовестных, опытных. Выбор у него был большой, но нужны были “свои”. Вообще я пришел к заключению, что большим даром является умение выбирать помощников и сотрудников, нет, этим даром ни Деникин, ни Романовский не обладали»¹⁴³.

Показательно обсуждение Деникиным и начальником штаба армии генералом И.П. Романовским кандидатуры генерала П.Н. Врангеля, которого в начале 1919 г. хотели назначить командующим Добровольческой армией. Врангель присоединился к белым сравнительно поздно, но был выдающимся военачальником. Тем не менее его высокое назначение могло вызвать обиды, которых больше всего боялись белые вожди. В итоге Врангель все же был назначен командующим Кавказской Добровольческой армией. В результате в отставку ушел командовавший корпусом генерал Б.И. Казанович, другие, как писал Деникин, «поворчали, но подчинились»¹⁴⁴. Трудно представить, сколько талантливых офицеров не могли получить продвижения у белых из-за подобного «местничества». О невозможности аналогичных «обид» в большевистском лагере, где военспецов оценивали по их способностям, не приходится даже говорить.

По свидетельству генерала В.А. Замбржицкого, служившего на белом Юге, подбор кадров у белых не отличался продуманностью: «Мы вообще грешили в назначениях, но это отчасти происходило именно потому, что в Гражданской войне не всегда имелась возможность знать или собрать сведения о подходящих кандидатах. Прежняя система аттестаций сама собою рухнула, и если теперь не находилось человека, который мог бы замолвить словечко, то приходилось сидеть в тени и ждать у моря погоды»¹⁴⁵.

Ускоренное чинопроизводство Гражданской войны вело к появлению в штаб-офицерских и генеральских чинах совсем еще молодых

и порой неопытных людей, офицеров военного времени. Впрочем, в ряде случаев производства были вполне заслуженными и способствовали выдвигению ярких командиров, понимавших особенности Гражданской войны. Генералами в 26 лет стали корниловец Н.В. Скоблин и дроздовец В.В. Манштейн, в 27 лет генеральские погоны надел дроздовец А.В. Туркул, не имевший даже военного образования (произведен в офицеры из нижних чинов в Первую мировую войну), А.Г. Шкуро стал генералом в 31 год. Полковник Е.Э. Месснер уже в эмиграции прямо писал, что в Гражданской войне принцип старшинства неприменим, и сокрушался, что войсками Киевской области в 1919 г. руководил инертный старорежимный генерал А.М. Драгомиров, а не молодой и энергичный полковник Б.А. Штейфон, который мог бы мобилизовать на этой территории несколько дивизий, а не одни лишь местные гарнизоны¹⁴⁶.

В октябре 1918 г. Деникиным в целях ликвидации различий между гвардейскими и армейскими офицерами был упразднен чин подполковника, что привело к массовому появлению полковников (чин подполковника был восстановлен уже приказом главнокомандующего ВСЮР № 1950 от 20 августа (2 сентября) 1919 г.¹⁴⁷). В сентябре 1919 г. последовало аналогичное упразднение чина прапорщика, все прапорщики были переименованы в подпоручики.

В обстановке конфронтации с казачьими лидерами и ошутимого немецкого присутствия поблизости Добровольческая армия ушла во 2-й Кубанский поход. Армия пополнялась благодаря сети центров и вербовочных бюро, расположенных в разных городах Юга России, в том числе на территории, которую белые не контролировали. Армейское руководство и лично генерал М.В. Алексеев разрабатывали планы переноса боевых действий за Волгу для восстановления Восточного фронта против большевиков и немцев, однако эти планы так и остались на бумаге. В результате похода Кубань была освобождена от красных.

С самого начала Гражданской войны в руководстве Белого движения на Юге России сложилась своеобразная иерархия. Определяющее значение для расстановки кадров и карьерного роста офицеров играл стаж их службы в Добровольческой армии, и прежде всего факт участия или не участия в 1-м Кубанском походе. Генерал А.К. Келчевский отмечал, что командный состав оказался разделен на «князей», «княжат» и «прочих». Под «князьями» понимались быховские узники — ближайшее окружение генерала Л.Г. Корнилова, под «княжатами» —

участники 1-го Кубанского похода (первопоходники), «прочими» же были остальные офицеры¹⁴⁸. Подобные суждения о неформальной иерархии и кастовости командного состава Добровольческой армии, а затем и ВСЮР рождались не на пустом месте. Подтверждение находим в еще одном документе, автор которого, один из вождей Белого движения на Юге России полковник М.Г. Дроздовский, сетовал на засилье первопоходников в армейском руководстве, тогда как «почти всех позже пришедших считали чем-то вроде париев. Их не назначали на ответственные должности, а или предлагали идти в строй рядовыми бойцами, или держали в резерве армии»¹⁴⁹.

Среди 3689 участников 1-го Кубанского похода насчитывалось 2356 офицеров (36 генералов, 242 штаб-офицера и 2078 обер-офицеров, в том числе 5 женщин)¹⁵⁰. Таким образом, офицеры составляли около 64%. Не менее 620 офицеров¹⁵¹ (по другим данным, 667 офицеров¹⁵²) участвовали в походе отряда полковника М.Г. Дроздовского с Румынского фронта на Дон.

Костяк Добровольческой армии в дальнейшем составили кадры так называемых цветных (из-за пестрой униформы) или именных частей — корниловцев, марковцев, дроздовцев, алексеевцев с высоким процентом офицеров. К примеру, по данным на август 1918 г., в составе 1-го Офицерского генерала Маркова полка две из двенадцати рот были полностью офицерскими и в них служили 500 офицеров¹⁵³. У марковцев же отмечается наиболее высокий процент офицеров. Интересно, что социальный состав офицеров «цветных» полков отличался абсолютным демократизмом. При высочайшей мотивации, идейности, боевой устойчивости, а также высоком проценте офицеров в частях они несли и тяжелейшие потери, которые невозможно было восполнить равноценными по качеству пополнениями. Так, в корниловских частях за период Гражданской войны погиб 5321 офицер, получили ранения 12 742 человека¹⁵⁴, что в среднем составило 37,6% всех потерь корниловцев. Впечатляет статистика потерь офицеров Сводно-стрелкового полка и добровольческого отряда полковника М.А. Жебрака-Русановича. Из 454 офицеров — участников похода дроздовцев 135 погибли или умерли от ран и болезней, 7 пропали без вести в бою, один погиб на дуэли, пережили Гражданскую войну и остались в дроздовских частях 257 офицеров (56%)¹⁵⁵. Разумеется, процент офицеров в «цветных» частях по мере развертывания армии и убыли личного состава стремительно снижался (в начале 1918 г. — до

50%, в начале 1919 г. — около 30%, в 1919 г. — 25%, в 1920 г. — 20%)¹⁵⁶. Кроме того, к концу Гражданской войны приток офицеров в белые армии практически иссяк.

Иерархия выстраивалась и ниже уровня первоходников. Далее приоритетным правом назначений пользовались участники боев на Северном Кавказе, тогда как офицерская масса, попадавшая в армию с весны 1919 г., преимуществ уже не имела¹⁵⁷.

В силу обособленности «цветных» формирований на командные посты в них выдвигались представители тех же частей, порой не обладавшие должной квалификацией. Командиров со стороны части могли не принять. По мере продвижения к Москве «цветные» части пополнялись офицерами военного времени¹⁵⁸. Предпочтение при назначениях на командные посты отдавалось первоходникам, как проверенным и надежным кадрам. Однако этих кадров не хватало. В итоге к концу войны на командные посты выдвинулись даже офицеры военного времени, не обладавшие должным опытом, но отличившиеся в боях.

К февралю 1918 г. в Добровольческой армии гвардейских офицеров оказалось около ста¹⁵⁹. Потери на начальном этапе Гражданской войны, когда у белых сражались офицерские по своему составу части, были колоссальными. Достаточно отметить, что в одном из боев октября 1918 г. под Армавиром Сводно-гвардейский полк за день потерял 26 офицеров, включая командира полка, убитыми и 30 ранеными¹⁶⁰. В апреле 1919 г. общее собрание офицеров Лейб-гвардии Преображенского полка, служивших на белом Юге, вынесло беспрецедентное постановление, возможное только в обстановке Гражданской войны: «Всем преображенцам из армии генерала Деникина перейти к Верховному правителю в Омск и заявить ему о готовности преображенцев быть, как и встарь, оплотом верховной власти, и в Омске приступить к немедленному формированию полка»¹⁶¹. Можно понять недоверие, с каким белое командование воспринимало после этого гвардейских офицеров (при том, что отношение к гвардейцам было непростым и ранее, поскольку вожди белых в основном происходили из армейской среды). Впрочем, в Сибирь уехала лишь одна группа преображенцев. Всего на белом Юге могло служить около 1000 гвардейских офицеров¹⁶².

В представлениях современников и потомков сложилось впечатление, что белые армии Юга России были офицерскими по составу. Так

ли это на самом деле? Если говорить о составе собственно Добровольческой армии в 1918–1920 гг., то, по оценкам исследователей, процент офицеров в ней менялся от 70,1 до 37,8%¹⁶³. В основном это была военная молодежь (к 1920 г. офицеры военного времени составляли 94,1% офицерского состава).

Пока неизвестны весомые доказательства в пользу того, что в Белом движении на Юге России, как утверждал С.В. Волков, участвовали порядка 115 тысяч офицеров, из которых до 30 тысяч погибли и еще от 5 до 10 тысяч умерли от болезней¹⁶⁴. Определенные сомнения в том, что подобные цифры в принципе возможны, можно заметить и в работах других исследователей¹⁶⁵. Однако даже с учетом тыловых офицеров, реальных потерь, ротации кадров, производств непосредственно в белом лагере эти данные представляются существенно завышенными и опровергаются непосредственно документацией белых.

Действительно, в 1918 г. офицерский характер армии ощущался. В период 1-го Кубанского похода даже некоторые генералы, как, например, Б.И. Казанович, ходили в атаки с винтовкой в руках в качестве рядовых. Такое отношение к представителям военной элиты невозможно ничем оправдать. Однако после того, как ВСЮР в 1919 г. стали массовой армией, офицерская составляющая растворилась в общей численности войск. Как уже отмечалось, к 5 (18) июля 1919 г. во ВСЮР из 244 890 солдат и офицеров, включая и нестроевых, насчитывалось только 16 765 офицеров¹⁶⁶. В боевом составе Добровольческой армии из 44 807 бойцов числились 3884 офицера, в Донской — из 43 033 бойцов было 2106 офицеров, в Кавказской — из 18 544 бойцов — 1120 офицеров, а всего в боевом составе ВСЮР — лишь 10 050 офицеров¹⁶⁷.

Можно предположить, что в период дальнейшего наступления с июля по октябрь 1919 г. с занятием Украины и Новороссии (в особенности таких крупных военных и культурных центров, как Киев и Одесса, где концентрировались десятки тысяч офицеров), а также части центральных губерний белые смогли мобилизовать еще некоторое количество офицеров. Однако если такие пополнения происходили, то, очевидно, не в боевом составе. Так, боевой состав ВСЮР на вышеупомянутую дату 5 (18) июля 1919 г., по данным Ставки, насчитывал 136 779 человек, а на пике численности к 5 (18) октября 1919 г. — только 158 469 человек¹⁶⁸. Таким образом, с июля по октябрь он вырос лишь на 21 690 человек.

Речь шла, прежде всего, о пополнении пехотных частей (83,6% пополнений). Очевидно, что офицеры не могли составлять ни всю эту цифру, ни даже бóльшую ее часть. В силу сословной замкнутости казачества не могла заметно пополняться офицерами на занятых территориях и Донская армия. Насколько можно судить, в этот период белые не несли масштабных потерь, сказывавшихся на общей численности боевого состава, либо же потери компенсировались пополнениями. Во всяком случае численность конницы и инженерных частей менялась мало, а численность пехотных частей лишь возрастала.

После октября 1919 г. общая численность на фоне неудач белых стала падать, поток добровольцев и пленных практически иссяк и единичные офицерские пополнения поступали в основном лишь из-за рубежа (например, с разгромленного красными Восточного фронта белых).

Единственно, что можно допустить, так это существенный рост численности зарегистрированных офицеров, которые оставались в тылу и не рвались на фронт (непомерная раздутость тыла являлась подлинным бичом белых армий) либо же постановка которых в строй затягивалась длительными проверками (о чем будет сказано ниже). Подобная ситуация сложилась в Киеве и в Одессе и не свидетельствует в пользу налаженности мобилизационного аппарата белых, что в конечном счете и стало одной из причин их поражения. Известно, что из 37–45 тысяч офицеров, зарегистрированных в Одессе, в период эвакуации города белыми в 1920 г. угрозами расстрела удалось поставить в строй не более 1000 человек¹⁶⁹. Десятки тысяч таких зарегистрированных офицеров по документам могли значиться состоявшими во ВСЮР, но по факту их пребывание в армии являлось номинальным.

Обособленно держались казацкие офицеры, представлявшие Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казацкие войска. По данным к 1 мая 1917 г. на Дону числились 3746 офицеров, в большинстве своем — военного времени (многие производились в офицеры за отличия из казаков), к концу 1918 г. в Донской армии числились 1282 офицера¹⁷⁰. По некоторым данным, с 26 февраля по 14 апреля 1918 г. красными были расстреляны из числа донских офицеров 14 генералов, 23 полковника, 292 кадровых офицера¹⁷¹. Офицеры участвовали в восстании на Дону весной 1918 г., но кадров не хватало.

В связи с кадровым дефицитом предпринимались меры по усилению офицерского состава Донской армии. Атаманом П.Н. Красновым

был запрещен переход казачьих офицеров в Добровольческую армию, а тем, кто туда убыл ранее, было приказано вернуться. Офицерам до 31 года запрещался выход в отставку, а ранее вышедшие подлежали возвращению на службу¹⁷².

Внутри казачьих частей офицеры чаще всего назначались также из казачьей среды. Такой подход порождал немалые трудности, особенно в связи с некомплектом в некоторых войсках казачьих офицеров. Доминировали фактор землячества и войсковой сословный корпоративизм. Впрочем, в условиях кадрового голода получали назначения и офицеры неказачьего происхождения. Так, технические части Донской армии в 1918 г. были укомплектованы этой категорией офицеров на 60%¹⁷³.

Несмотря на высокий процент офицеров, на белом Юге велась и собственная подготовка офицерских кадров. Особенно необходимы были офицеры казачьим войскам в силу дефицита кадров, обусловленного сословной замкнутостью казачества. В июне 1918 г. открылось Новочеркасское казачье военное училище, рассчитанное на два года обучения и готовившее командные кадры как для казачьей конницы, так и для пехотных частей, артиллерии и инженерных войск. Кроме того, донским командованием была открыта Донская офицерская школа с четырехмесячным курсом для переподготовки офицеров на должности командиров сотен и рот¹⁷⁴. На Дону также действовали Офицерская артиллерийская школа, Новочеркасские военные курсы, Инженерная школа, Донская военно-автомобильная школа, школа мотористов, кадетский корпус¹⁷⁵.

На белом Юге функционировали и другие военно-учебные заведения — Киевское Константиновское военное училище, Кубанско-Софийское военное училище, Кубанское генерала М.В. Алексева военное училище, Сергиевское артиллерийское училище, Корниловское военное училище, целый ряд кадетских корпусов. За годы Гражданской войны училища в общей сложности выпустили несколько тысяч офицеров.

Отрицательной чертой кадровой политики белых было нерациональное наивно-идеалистическое стремление к «чистоте риз», в результате которого в армию не принимали офицеров, например, подозревавшихся в сотрудничестве с немцами. Именно такие подозрения не позволили попасть в армию генералу В.Н. фон Дрейеру. Офицеры, переходившие из Красной или национальных армий, подвергались

преследованиям, разжалованию в рядовые, были вынуждены проходить многомесячные унижительные проверки. Абсурдность ситуации заключалась в том, что многие перебежчики искренне сочувствовали белым и стремились служить им верой и правдой, однако холодный прием пробуждал иные чувства.

Наиболее известен случай с генералом Л.М. Болховитиновым — видным военным ученым и крупным администратором (в Первую мировую — начальник штаба Кавказской армии), разжалованным у белых за службу в Красной армии и вынужденным долгое время служить рядовым. Профессиональная квалификация Болховитинова оказалась невостребованной и была принесена в жертву абстрактным идеалам.

При занятии крупных городов (Киев, Одесса) под властью белых оказывались буквально тысячи офицеров. Киев был занят белыми 18 (31) августа 1919 г. Уже 3 (16) сентября главное командование ВСЮР сообщало начальнику 7-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Н.Э. Бредову, что «в Киеве зарегистрировано около двенадцати тысяч офицеров и военных чиновников, оставшихся после ухода большевиков в городе»¹⁷⁶. Очевидно, такое могло произойти лишь вследствие крайней поспешности ухода красных.

Как отмечал генерал В.Н. фон Дрейер, «у всех был высокий подъем духа, все горело желанием служить Родине. Но судебная волокита тянулась месяцами, и первоначальный порыв явившихся постепенно угасал, во время томительного ожидания перед дверями следственных комиссий. А недостаток средств и необходимость кормить семью иногда толкали их искать частную службу и, таким образом, много хороших боевых офицеров было потеряно для армии»¹⁷⁷.

По свидетельству очевидца, «регистрация происходила во дворе комендантского управления. Когда я пришел туда, там была уже масса военных — полковники, капитаны, поручики, прапорщики; было несколько генералов. Одни ходили уже в форме, другие, меньшинство, — в штатском. Знакомились, делились впечатлениями... Записывали офицеров в алфавитном порядке. До меня очередь в этот день не дошла; около четырех часов все разошлось... На другой день мне удалось, наконец, несмотря на еще большую толпу, получить регистрационную карточку. На ней стояло мое имя, фамилия, год рождения, чин и полк, где я служил во время германской войны. С этой карточкой мне надо было явиться в реабилитационную комиссию и представить,

кроме того, свое *curriculum vitae*¹⁷⁸ от начала германской войны до настоящего момента. Для тех, которые у большевиков не служили и имели какие-нибудь старые документы, удостоверявшие их личность, дело кончалось в реабилитационной комиссии: они могли поступать в Добровольческую армию немедленно.

В противном же случае, дело выходило сложнее; раз в *curriculum vitae* офицер писал, что он служил у большевиков, реабилитационная комиссия отсылала его дело в контрразведку. Из контрразведки товарищ прокурора отсылал дело со своим заключением в четвертое учреждение — Военную судебную-следственную комиссию. Эта комиссия рассматривала дело окончательно и препровождала его на заключение к коменданту города. Причем, если кто не имел старого послужного списка или других не менее солидных документов, он должен был доказать свою личность при помощи управляющего домом и двух благонадежных свидетелей.

Вот что надо было пройти. У меня, как и у большинства офицеров, никаких документов, кроме советских, не было.

И вечером, сидя над своей биографией, я задумался — писать или не писать о службе у большевиков?

Написать — значит быть канцелярской волоките. Я подумал, поколебался и написал. Может быть, чтобы не краснеть потом и не быть уличенным во лжи.

С превеликим трудом кончил я свое *curriculum vitae*.

Лучше было бы, если бы можно было совсем не писать, служил человек или нет — советской власти. Раз люди пришли добровольно, рискуя не только собой, но и своими родными, — какие вопросы могли быть еще.

Так думал я, глядя на свою биографию...»¹⁷⁹

Как результат волокиты с реабилитацией, немалая часть офицеров просто предпочла скрыться от нового режима. Между тем десять тысяч офицеров были крупной силой, фактически корпусом, сплоченным, сильным своей высокой выучкой и идейностью, подобная сила под надлежащим контролем вполне могла бы позволить Деникину одержать победу над красными. Однако деникинский режим вместо этого предпочел заниматься бюрократической волокитой. Более того, многие офицеры в Киеве подвергались совершенно незаслуженным преследованиям, арестовывались на основе анонимных доносов. Парадокс истории и показатель уровня мышления руководства сторон

Гражданской войны: большевики сумели успешно использовать враждебное им офицерство, тогда как белые не смогли полноценно воспользоваться даже дружественными себе офицерами.

На протяжении всего 1918 г. командование Добровольческой армии едва находило общий язык с казачьими атаманами по вопросу совместных действий. С разгромом Германии в ноябре 1918 г. и прекращением ее помощи Дону назрел вопрос об объединении Добровольческой и Донской армий под единым командованием. Объединение двух сил, борющихся с большевиками, позволило бы равномерно распределить имевшиеся у каждой из сторон ресурсы (рядовой состав, командные кадры, снабжение). Процесс этот протекал очень болезненно.

На встрече Деникина с донским атаманом П.Н. Красновым на станции Торговая 26 декабря 1918 г. (8 января 1919 г.) с большим трудом, несмотря на протесты командования Донской армии, удалось достичь соглашения о военном единстве Добровольческой армии, Дона и Кубани. Из добровольческих, донских, кубанских, терских и горских частей были образованы Вооруженные силы на Юге России под командованием Деникина¹⁸⁰.

Штаб главнокомандующего ВСЮР был сформирован из аналогичного штаба Добровольческой армии. Прежняя натянутость отношений с донским командованием сохранилась. Например, Деникин 12 (25) января 1919 г. позволил себе назвать докладывавшего начальника штаба Донской армии и ныне подчиненное Деникину донское командование злейшими врагами Добровольческой армии¹⁸¹. Лишь после кадровых перестановок на Дону в феврале 1919 г. отношения нормализовались.

Конфронтация у командования Добровольческой армии сложилась не только с казачьими лидерами. На протяжении многих месяцев 1918 г. продолжался тяжелый конфликт и внутри самой армии. Речь идет о взаимоотношениях командования с полковником М.Г. Дроздовским. Дроздовский присоединился к армии в мае 1918 г. с мощным отрядом, пришедшим с Румынского фронта. Данное обстоятельство позволяло ему претендовать на руководящую роль в белом лагере, положение которого на Юге России до того оставалось неустойчивым. Однако в этом отношении он столкнулся с противоборством продвигавшего своих людей добровольческого командования. Для руководства армии Дроздовский оставался чужаком. Он возглавил 3-ю пехотную дивизию,

которая, по свидетельству одного из участников событий, находилась на положении пасынка штаба армии в отношении пополнений людьми и материальной частью. Свою роль в конфронтации играли и политические взгляды Дроздовского, не совпадавшие со взглядами Деникина и Романовского. Есть данные о том, что Дроздовский был одним из руководителей тайной монархической организации в деникинской армии¹⁸², тогда как Деникин и его окружение были республиканцами или конституционными монархистами. После эвакуации остатков врангелевской армии из России уже в лагере в Галлиполи был раскрыт заговор дроздовцев против командования. Во главе заговора якобы стоял полковник П.В. Колтышев¹⁸³.

Дроздовский обладал качествами военного вождя периода Гражданской войны, был честолюбивым и самолюбивым человеком. Разумеется, прежнее командование стремилось удержать власть, интегрировать пришедших с Дроздовским в армию, подчинив их общим порядкам. В отношении недавно самостоятельного начальника, своего рода «атамана», при отсутствии у Деникина достаточных сил это было непросто. Возник острый конфликт. Деникин даже объявил Дроздовскому выговор, возмутивший последнего. Любое неосторожное решение могло привести к расколу армии и уходу из нее строптивного начальника.

Ситуация разрешилась лишь тогда, когда в конце 1918 г. Дроздовский был тяжело ранен и затем при не выясненных до конца обстоятельствах скончался. Как отмечал генерал Л.М. Болховитинов, «по общему отзыву от него (Дроздовского. — А.Г.) шли с верхами все время крупные трения, он пришелся, как говорят, не ко двору и от него стремились “отделаться”. Теперь это достигнуто...»¹⁸⁴ По армии поползли слухи, что к смерти Дроздовского причастен генерал И.П. Романовский. На этом эпопея не закончилась, так как Романовский в апреле 1920 г. был убит офицером, вероятно, мстившим за Дроздовского.

Невысокая квалификация отдельных представителей белого командования прослеживается по документам. Показателен доклад генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР начальнику штаба, подготовленный в октябре 1919 г. В этом докладе генерал-майор Ю.Н. Плющевский-Плющик откровенно писал о собственной некомпетентности и нераспорядительности в связи с успехами украинских повстанцев Н.И. Махно: «Лично я был уверен, что главный артиллерийский склад у нас в Волновахе, на которую мною и было обращено все внимание. Признаю себя виновным в том, что не отдал распоря-

жения об эвакуации всех складов района после перехода Махно через Днепр, хотя убежден, что приказ этот был бы платоническим, ибо в период с 22 по 27 сентября при условии перерыва железнодорожного сообщения и бедности нашего морского транспорта задача эта была невыполнима»¹⁸⁵. Из документа следует, что третий человек в военном руководстве белого Юга толком не знал расположения важнейших артиллерийских складов армии в своем тылу (они располагались не только в Волновахе, но также в занятых махновцами Бердянске и Мариуполе).

Критические отзывы о военном строительстве на белом Юге сохранились в личной переписке опытного генерала Л.М. Болховитинова. 16 (29) декабря 1918 г. он писал жене о том, что Добровольческая армия — это «просто какая-то кочевая банда... И это новая армия!? Подумай только!!!... Вы будете, вероятно, читать... “славословия” про здешние дела, но нас, старых воробьев, на мякине не проведешь»¹⁸⁶. Критикуя порядки, установленные белыми, Болховитинов в своих письмах начала 1919 г. рассуждал о «генеральской сволочи», засевшей в тыловом Екатеринодаре, отмечал, что грабежи белых ничем не лучше лозунга красных «Грабь награбленное», что затягивание Гражданской войны может привести к взаимному истреблению народа и к скорейшей гибели страны.

Утрата моральных ориентиров, обесценивание жизни вели к разгулу преступности, в том числе в офицерской среде. Частыми были случаи убийств офицеров своими же товарищами, зафиксировано много случаев самоубийств, расправы над пленными. Массовый характер приобретали различные аферы, злоупотребления властью, грабежи, «самоснабжение». Получили распространение пьянство, кутежи. Немало вреда белым принес и конфликт фронта и тыла, под воздействием которого фронтовики считали допустимыми любые беззакония по отношению к тыловикам.

Основные причины неудачи белого Юга (и прежде всего Донской армии) в офицерском вопросе обрисовал генерал А.Н. Алексеев в обширном письме генералу П.Н. Врангелю от 2 марта 1921 г. Документ содержал рекомендации по устранению недочетов в целях возобновления борьбы с большевиками. Алексеев, в частности, отметил: «Ненормальные, смехотворные явления в армии должны быть теперь уничтожены раз навсегда. Все эти опереточно-кустарные генералы, полковники обязаны уступить место людям опыта, знания и долга.

Нужно призвать на должности опытных кадровых офицеров, умело и храбро сражавшихся в Великую войну. Троцкий понял это и призвал всех, требуя лишь работы, не считаясь с их политическими воззрениями; вот почему такие генералы, как Гутор, Парский, Клембовский, Брусиллов, служат в Красной армии, а у нас такой ученый специалист, как генерал Пашенко, сидит без места, торгует в кантине, все ожидая персонального вызова. Русской армии нужны люди, нужно их много, чтобы творить дело.

Вундеркинлизм впервые явился с благословения ген. Краснова, который, подражая Наполеону, стал создавать себе маршалов; они должны были дать ему опору и вес, но маршалы Наполеона завоевали 1/2 мира, а наши маршалы ничего не завоевали, но зато побежденные с валютой расхаживают по Константинополю, Белграду, Парижу. Ген. Краснов умудрился получить в один день 2 чина, его командующий армией в 3 месяца получил 2 чина, то же проделал и начальник штаба (был только что произведенный подполковник, а через 4 месяца надел генеральские погоны), немудрено, что, благодаря взятому тону, прапорщики 1917 года ныне уже полковники и генералы; так же щедро награждались и те офицеры, которые сидели в канцеляриях, управлениях, обозах и в Войсковом Круге, так, член Войскового Круга, бывший пристав, уволенный в отставку подполковником, сидя в Войсковом Круге, через три месяца был уже генерал-майор. Тон, взятый в Донской армии, нашел отзвук в Добровольческой армии. Вакханалия чинопроизводства и наград дошла до карикатурных размеров. В общем, по тем наградам и чинам, которые давались в Донской армии, можно было думать, что эти высоко талантливые молодые начальники революционного периода не только овладели Москвой, Петербургом, Берлином, Парижем, перебросились к Нью-Йорку, овладели Чикаго, но и победно продвигаются к С[ан-]Франциско, а между тем результаты плачевны: все эти начальники топтались на Дону, Кубани, Крыму, а затем и были выброшены в С[ан-]Стефано.

В настоящей нормальной армии никаких чинопроизводств в Гражданскую войну не должно быть или если таковые даются, то весьма ограниченно, так, в междуусобную войну Севера и Юга Америки действительно талантливый полководец полковник Ли был к концу войны произведен в генерал-майоры. Можно оправдывать производство казаков в офицерские чины как прием или средство, усиливающее ряды офицеров. Так же нелепо награждать царскими орденами.

Авторитет вундеркиндов ничтожен. Поднявшись на высокую ранговую ступень, не впитав еще службой понятие долга и чести, такой молодой начальник отлично пользуется обстановкой ненаказуемости, перестает быть дисциплинированным и зачастую начинает изощряться во всех способах быстрого обогащения, особенно видя пример своих начальников, таких же революционных героев, быстро проскочивших в дамки. Более хитрые и предусмотрительные сумели вовремя скупить ценности и дома. Сделавшись богатыми, у них интерес к борьбе отошел на задний план; вот почему при отступлении в 1919 году некоторые из таких начальников не только не пожелали исполнить приказ двинуться в тыл Думенко, наступавшему в Новочеркасск, но и заговорили о необходимости мира с большевиками. Нельзя не сознать, что в этот период паника шла сверху, и, наоборот, казаки твердо верили в успех и недоумевали, почему отступление идет так поспешно.

В общем вундеркинды не спасли Россию*, а, напротив, довели нас до настоящего тяжелого положения. Мое отрицательное отношение к вундеркиндизму еще не значит, что ими нельзя воспользоваться: я полагаю, что они будут полезны, но только их нужно поставить на настоящее место: теперь вундеркинд командует дивизией, бригадой, полком, а между тем его надлежащее место быть только командиром сотни и самое большее — командиром полка, храбро бросающимся в атаку. Отличительная черта вундеркиндов — недисциплинированность, невыполнение боевых приказов, что пагубно отражается и на казаках**, и [на] солдат[ах], которые перестают быть послушным орудием своих начальников...

Кроме вундеркиндизма отрицательной стороной, возбуждающей неудовольствие, является протекционизм... Привожу характерный случай: в учреждение баронессы Врангель обратился с просьбой о выдаче одежды заслуженный генерал, плохо одетый, ему было княгиней Урусовой отказано. Сейчас же после ухода генерала трем молодым офицерам, заявившим кн. Урусовой, что они — гвардейские офицеры и нуждаются в обмундировании и белье, было все просимое выдано... Впоследствии один из офицеров рассказал, что они обманули княгиню, назвавшись гвардейцами, ибо знали, что только гвардейским офицерам выдавались костюмы, пособия. Разумеется, полученные костю-

---

* Здесь и далее подчеркнуто в документе.

** В документе несогласованно — казаков.

мы были проданы на рынке, а генерал, действительно нуждавшийся в платье, остался без костюма. В Донской армии со времен г[енерала] Краснова офицеры Атаманского полка стали быстрым темпом производиться в генерал-майоры и генерал-лейтенанты и так быстро, что сами стали удивляться, откуда у них обнаружались такие великие таланты...»¹⁸⁷

По мнению генерала П.И. Аверьянова, Деникин отталкивал старшее кадровое офицерство и тяготел «к новому офицерству революционной и добровольческой формации»¹⁸⁸.

15 (28) декабря 1918 г. Деникиным был выпущен приказ о том, что в Добровольческой армии обер-офицеры служат до 43 лет, штаб-офицеры — до 50 лет¹⁸⁹.

Материальное обеспечение офицерства оставляло желать лучшего¹⁹⁰. Так, в конце 1918 г. прапорщик получал 450 руб. жалованья, а главнокомандующий — 3000 руб., в конце 1919 г. — 700 и 5000 руб. соответственно¹⁹¹. При этом даже 700-рублевый офицерский оклад едва превышал прожиточный минимум. Для сравнения, суточная норма продуктового потребления на человека в Екатеринодаре на 1 ноября 1919 г. оценивалась в 26,16 руб.¹⁹² В 1920 г. ситуация ничуть не улучшилась. В сентябре 1920 г. ежедневный кормовой оклад офицера составлял до 800 руб., тогда как простой обед из трех блюд стоил 5–10 тысяч руб.¹⁹³ С марта по октябрь 1920 г. размер прожиточного минимума для семьи из трех человек в Крыму возрос более чем в 23 раза¹⁹⁴. Никакие оклады не поспевали за столь стремительным ростом цен.

Во многих случаях представители белого командования лишь констатировали наличие серьезных недочетов в организации армии, но не пытались их устранить. К примеру, генерал А.И. Деникин писал генералу П.Н. Врангелю 10 (23) августа 1919 г.: «Вопросы снабжения... действительно у нас хромают, и Вы знаете, что вполне наладить это дело при общей разрухе промышленности, при расстройстве транспорта, при самостоятельности Кубани — выше моих сил»¹⁹⁵. Таким образом, Деникин просто констатировал факт невозможности наладить снабжение, полагая, что какие-либо особые усилия в этом отношении предпринять нельзя. Думается, если бы большевики рассуждали аналогичным образом, они вряд ли могли бы рассчитывать на победу. Генерал А.К. Келчевский в 1919 г. прямо заявлял своему знакомому генералу: «Силенки у нас мало»¹⁹⁶.

Высшие офицеры белых армий, в отличие от их оппонентов из Красной армии, были вынуждены не только заниматься военными вопросами, но и отвлекаться на сферу гражданского управления. Генерал А.И. Деникин тратил на это значительную часть своего времени, хотя никакого опыта в этом отношении не имел. В результате страдали боевые операции, а вопросы гражданского управления также не получали правильного разрешения. Такой подход нередко провоцировал недовольство местного населения, поскольку крестьяне скептически относились к старому генералитету. Об этом, в частности, докладывал начальник харьковского разведывательного пункта начальнику разведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР 28 октября (10 ноября) 1919 г.¹⁹⁷ Кроме того, военные часто были плохими гражданскими администраторами.

Между тем в военной сфере у белых хватало проблем. Достаточно отметить, что командование Донской армии только в оперативном отношении, а администрации казачьих войск лишь формально подчинялись Деникину, на деле они нередко проводили свою линию, шедшую вразрез с линией главного командования. Как отмечал британский офицер Х. Уильямсон, «в штабе Донской армии... творились жуткие интриги; и никогда нельзя было различить, кто во что верил по-настоящему»¹⁹⁸. Другой современник отмечал, что командовавший Донской армией генерал В.И. Сидорин мог игнорировать приказы и Деникина, и донской администрации и «чувствовал себя маленьким царьком»¹⁹⁹.

Интриганством отличался и командовавший Кавказской армией генерал П.Н. Врангель, разногласия которого с Деникиным по военным вопросам переросли в настоящее противостояние группировок в белом руководстве. Стоит отметить, что Деникин и его окружение были представлены в основном армейцами, тогда как в окружении Врангеля заметную роль играли гвардейцы.

Как справедливо отмечал командующий советским Южным фронтом А.И. Егоров, «постоянного и неусыпного контроля, немедленного исправления недочетов, реагирования на нужды и запросы боевых частей — со стороны белой ставки не было; то же наблюдалось и в армейских органах. А распушенность и самостийность старших войсковых начальников довершали отрицательную характеристику методов управления.

Красные армии в этом отношении находились в совершенно другом и, несомненно, более выгодном положении. Метод живого, постоянно-

го руководства высшего командования, частое личное общение с подчиненными при своевременной постановке задач войскам не могли не способствовать успеху»²⁰⁰.

Весной — летом 1919 г. выявились острые противоречия в руководстве ВСЮР по стратегическим вопросам. Вдохновителем идеи «похода на Москву» был сам главнокомандующий — генерал А.И. Деникин. Его оппонентом выступил командующий Кавказской армией (ранее — Кавказской Добровольческой армией) генерал П.Н. Врангель, считавший приоритетной задачей соединение с Восточным антибольшевистским фронтом адмирала А.В. Колчака. Между штабом Кавказской армии и штабом главнокомандующего шел беспрерывный торг относительно переброски Врангелю частей и передачи им ряда формирований в другие армии. В условиях малочисленности ВСЮР командованию приходилось заниматься латанием дыр, что приводило к конфликтам на фронте и обидам. Положение усугублялось плохим снабжением войск. Вопрос обострился осенью 1919 г. По оценке генерала Б.А. Штейфона, к катастрофе белых привело забвение принципа «организация не терпит импровизации»²⁰¹.

Резко критическую характеристику белого командования оставил британский офицер Х. Уильямсон. По его мнению, «командование на всех уровнях было действительно жутким... Ни один генерал не желал, чтобы им руководил кто-то другой, а так как у всех [у] них было слишком много власти, единства командования никогда не существовало. Они могли бы держаться годами, если бы отступили в укрепленные районы или координировали свои усилия, но они всегда были заражены амбициями либо ленью, которые убеждали их делать слишком много или недостаточно или оставаться абсолютно безразличными»²⁰². Оценки иностранного наблюдателя созвучны дневниковому свидетельству полковника А.А. фон Лампе, датированному 3 (16) августа 1919 г.: «[Генерал В.Л.] Покровский смело и открыто заявил, что Кубанская армия — это ерунда, т.к. никаких технических сил у нее нет, а я добавлю “и управления”, что есть только казаки и лошади, да и то первых самостийники сбивают с толку — значит, остаются одни лошади. Да это и верно. Подражая Дону, Кубань забывает, что там людей больше и там стонут от недостатка офицерства, а высший командный состав (на[чальник] шт[аба] арм[ии] — Келчевский) приходится брать извне»²⁰³. Негативную роль играло нежелание казачества активно сражаться за пределами войсковой территории, что,

несомненно, должен был учитывать Деникин. Подобные оценки во многом были обоснованными. Ситуация усугублялась личными недостатками некоторых военачальников. Например, командующего Добровольческой армией генерала В.З. Май-Маевского, злоупотреблявшего спиртными напитками, что отражалось на эффективности управления войсками.

Отличительной чертой белого командования являлась фатальная недооценка противника. Усугубляло неудачи белых непонимание их руководством сути большевизма, способности его лидеров учиться на ошибках, быстро приобретать административный и организационный опыт. Как справедливо отметил близкий к руководству ВСЮР современник, «к Красной армии у нас относились так же упрощенно и прямолинейно, как и к революции и к большевизму вообще. Если революция часто исчерпывалась для нас понятием “бунта”, а большевики были не более как “германские агенты”, то вся Красная армия естественно сплошь состояла из “преступников”: ординарных — солдат и квалифицированных — офицеров»²⁰⁴. Показательно, что в начале 1920 г. белое командование старательно выясняло у случайно попавшего в плен военспеца М.П. Строева (Рихтера), нет ли в РККА немецких инструкторов или солдат²⁰⁵, очевидно, по-прежнему, считая большевиков немецкими агентами.

Генерал А.М. Драгомиров писал генералу А.И. Деникину 12 (25) декабря 1919 г. о действиях войск Киевской области: «Мне только крайне тяжело сознание, что я со своими войсками не оказываю Вам той помощи, на которую Вы вправе были рассчитывать».

Вместо активных ударов всюду, не считаясь с силами красных, вместо самых дерзких маневров по тылам, мои войска оказались способными только на затыкание дыр и на позорное временами “непротивление злу” и оставление своих позиций даже без сопротивления от одного вида большевиков, идущих в атаку. Наиболее удручающим было то, что сами начальники сознавали, что красных не так уж много, что настроение у них неважное, что они боссы, легко одеты, голодны, злы на своих комиссаров, что это, в сущности, “рвань”, против которой достаточно одного-двух хороших полков. И тем не менее мы все уходили от этой “рвани” и никакими силами нельзя было вызвать войска не только на смелые, активные решения, но и на самое элементарное упорство»²⁰⁶.

Катастрофа на фронте реанимировала многочисленные противоречия, сохранявшиеся в войсках и в тылу. Активизировались казачьи

лидеры, все чаще стали проявляться конфликты в командном составе, интриги, войска были деморализованы, возросло дезертирство, начались восстания «зеленых» — нередко бывших солдат и офицеров самой деникинской армии. Противник Деникина — генерал Врангель зондировал почву для возможной смены командования, за что был вынужден на некоторое время уйти со службы и уехать из России. Оказавшиеся весной 1920 г. в безвыходной ситуации белые войска на Северном Кавказе тысячами сдавались в плен красным или интернировались в Грузию. Некоторые остававшиеся на фронте офицеры всю вину возлагали на генералов И.П. Романовского, А.М. Драгомирова, А.С. Лукомского и, в меньшей степени, на А.И. Деникина. Обсуждались возможности убийства первых трех²⁰⁷.

Часть войск с Северного Кавказа была эвакуирована в Крым. Командир Добровольческого корпуса генерал А.П. Кутепов фактически предъявил ультиматум главному командованию, потребовав приоритетной эвакуации своих частей и предоставления ему диктаторских полномочий. Однако попытка Кутепова взять власть не удалась²⁰⁸. Серьезные потери в офицерских кадрах белые понесли при оставлении Северного Кавказа и уходе в Крым весной 1920 г.

С начала 1920 г. обострились отношения между командованием Донской армии и штабом Деникина. Донские генералы обвиняли Ставку в бездеятельности, утрате руководства, стремлении эвакуировать в Крым прежде всего добровольцев, а не казаков, и, по сути, предательстве²⁰⁹. В дальнейшем конфронтация лишь нарастала.

В марте 1920 г. остатки Донской армии были эвакуированы с кавказского побережья в Крым. Эвакуация из Новороссийска не была должным образом подготовлена, расчеты постоянно менялись. Сначала донское командование ввиду развала армии предполагало эвакуировать только офицеров (порядка 5000 человек), но затем стало очевидно, что хотят эвакуироваться и простые казаки, для чего не было необходимого тоннажа²¹⁰. В результате разразилась настоящая катастрофа. Был брошен конский состав, войска испытывали огромные трудности с эвакуацией из-за отсутствия судов, целые казачьи части были вынуждены оставаться на кавказском побережье, сдаваться в плен красным или присоединяться к повстанческим отрядам «зеленых». Командующий армией генерал В.И. Сидорин был настолько возмущен Деникиным, не выделившим, по его мнению, донцам необходимых транспортных средств, что, по одному из свидетельств, собирался застрелить его пря-

мо на пристани²¹¹. В разговоре с Деникиным вышедший из равновесия Сидорин обвинил главнокомандующего в предательстве²¹². В действительности же Деникин пытался в крайне сложной обстановке делать все возможное для эвакуации армии²¹³.

Эвакуировавшиеся в Крым остатки Донской армии (около 10 тысяч человек) находились в плачевном состоянии, не имели лошадей и подчас даже оружия. По оценке начальника штаба армии генерала А.К. Келчевского, «это были не воинские части, а толпа обозленных, до глубины души оскорбленных людей, готовых к бунту»²¹⁴. Уже в Крыму по политическим соображениям генералы В.И. Сидорин и А.К. Келчевский были сняты со своих постов, отданы под суд и уволены со службы²¹⁵.

В результате катастрофы на военном совете в Севастополе 22 марта (4 апреля) 1920 г. было принято решение о смене руководства ВСЮР. На том же совещании председательствовавшим генералом А.М. Драгомировым был оглашен ультиматум британского правительства к белому командованию о необходимости завершения неравной и безнадежной борьбы и готовности англичан выступить посредниками на переговорах²¹⁶. В случае отказа от мирных переговоров англичане прекращали какую-либо помощь и поддержку. Тем не менее борьбу решено было продолжать, а новым главнокомандующим стал генерал П.Н. Врангель.

Катастрофа постигла на кавказском побережье и 40-тысячную Кубанскую армию белых. В ответ на ультиматум РВС 9-й Кубанской армии красных командование во главе с генералом Н.А. Морозовым приняло решение сдать, что и произошло в начале мая 1920 г. Часть личного состава удалось эвакуировать в Крым, другая часть ушла в Грузию, но большинство сдались в плен. Всего было зарегистрировано 34 337 сдавшихся, включая 373 офицера от капитана до генерала и 858 офицеров в чинах до штабс-капитана²¹⁷. Таким образом, всего сдался 1231 офицер.

С приходом к власти на белом Юге генерала П.Н. Врангеля началась реорганизация остатков армии, органов военного управления и упорядочение тыла. Как свидетельствовал современник, «с первых же шагов командования армией генералом Врангелем, несомненно, всеми и везде почувствовалось управление. Число свободных офицеров в тылу стало заметно уменьшаться, войсковые части, пополнялись, по[д]тягивались и в скором времени отправлялись на фронт,

начали исчезать излюбленные до того “реквизиции”, якобы для нужд армии в порядке “самоснабжения”, с которым генерал Деникин слишком мало боролся и что, однако, сильно вооружало население против Добармии...»²¹⁸ Такое свидетельство не единично. По оценке генерала В.А. Замбржицкого, «после Деникина хаос и развал царили всюду, в верхах и в низах, но главным образом в верхах. Врангель сумел в короткий срок упорядочить все...»²¹⁹ В армии возросла дисциплина.

Реорганизация армии проводилась в соответствии с докладом генерала П.С. Махрова от 8 (21) апреля 1920 г., в котором признавалось превосходство РККА над белыми и содержалась программа переустройства армии на регулярной основе²²⁰. Махров среди прочего предлагал всех боеспособных отправить на фронт, оставив минимальными аппараты управления и снабжения. Тем не менее сделать это не удалось.

Как отмечал генерал П.И. Залесский, «армия по существу оставалась прежняя, со всеми ее прежними недостатками... Те же “дивизии” из 400 штыков, те же поручики на ролях генералов; те же “вундеркинды” всюду — и в военной и в гражданской администрации; тот же протекционизм, те же “свои” везде, та же “лавочка” всюду; то же служение лицам... младшие командовали старшими без всяких данных на такое предпочтение... Управление Генеральным штабом было вручено офицеру, который гораздо лучше знал жандармское, чем военное дело...»²²¹

Не были изжиты и многие противоречия, органически присущие белому лагерю. В частности, не прекращались конфликты внутри военного руководства. Например, генерал Я.А. Слащов обвинялся Врангелем в интригах²²². Врангель даже считал Слащова психически больным человеком²²³. Слащов, в свою очередь, не доверял штабу Врангеля²²⁴, считал, что штаб главнокомандующего не способен управлять войсками в стратегическом масштабе²²⁵. Неудивительно, что такой генерал был вынужден уйти из армии.

Младшее офицерство также лихорадило. Распространенными были рассуждения о предательстве командования. В Крыму в начале 1920 г. восстание против белых поднял командир 1-го добровольческого полка капитан Н.И. Орлов. Это движение вызвало определенное сочувствие в рядах белых на фоне фронтовых неудач и разочарования в способностях командного состава. Орлов на короткий срок захватил Симферополь, Ялту. В дальнейшем со своим полком вернулся на фронт. В марте, однако, он увел полк с фронта и после неудачного

столкновения с частями белых скрылся в горах с небольшой группой соратников. Впоследствии к нему примкнули другие дезертиры, а его выступление переросло в повстанческое движение в Крыму, получившее наименование орловщины. Движение боролось с белыми вплоть до их эвакуации из Крыма. Впрочем, в декабре 1920 г. Орлов вместе с братом были расстреляны красными.

Врангелем были амнистированы все офицеры, перешедшие от красных и подвергшиеся каким-либо преследованиям²²⁶. Попытки пополнить офицерский состав за счет привлечения на свою сторону военспецов РККА (в частности, Врангель подготовил воззвание к офицерам, оказавшимся в Красной армии²²⁷) значимых результатов не дали. Война завершалась и не в пользу белых, в этот период даже самым недалеким офицерам была очевидна бесперспективность присоединения к терпящей поражение стороне.

Осенью 1920 г. остатки Русской армии генерала П.Н. Врангеля оставили Северную Таврию, избежав окружения, а затем были вынуждены покинуть Крым. По расчетам белого командования Крым нельзя было длительное время оборонять в условиях блокады по причине недостаточности имевшихся запасов продовольствия²²⁸. Как только отход белых в Крым стал неизбежным, Врангель отдал распоряжения о подготовке флота к возможной эвакуации. В результате удалось избежать трагических обстоятельств, сопровождавших предыдущую новороссийскую эвакуацию. В ноябре 1920 г. остатки врангелевской армии покинули Крым. На 126 судах были эвакуированы в Турцию 145 693 человека, не считая судовых команд, из них до 100 тысяч человек относились к армии²²⁹.

С занятием Крыма частями РККА 16 ноября 1920 г. был образован Крымский революционный комитет, председателем которого стал венгерский интернационалист Б. Кун. Развернулись массовые репрессии в отношении оставшихся в Крыму «бывших» людей. Одной из особенно пострадавших категорий было офицерство. По заслуживающим доверия данным, было расстреляно не менее 12 тысяч человек (в том числе до 30 губернаторов, более 150 генералов и 300 полковников)²³⁰.

* * *

Вторым по численности офицеров антибольшевистским фронтом после Южного стал Восточный. По площади территории белый лагерь на Востоке России был наиболее крупным, однако специалисты едины

в оценке того, что офицерские кадры Восточного антибольшевистского фронта значительно уступали белому Югу как количественно, так и качественно. По общим оценкам из примерно 30 тысяч офицеров белых армий Востока России кадровые офицеры составляли не более 6%, или 1800 человек²³¹.

Первоначально сопротивление красным здесь носило очаговый характер, только к осени 1918 г. можно говорить о возникновении единого лагеря. Как и на Юге, на Востоке России офицеры сыграли руководящую и во многом определяющую роль в борьбе с большевиками. Казачьими офицерами являлись лидеры первых антибольшевистских очагов сопротивления, возникших на Южном Урале и в Забайкалье еще в конце 1917 г., — полковник А.И. Дутов и есаул Г.М. Семенов. Их окружение также состояло во многом из казачьих офицеров. Первоначально силы противников красных были малочисленны. Так, в отряде Г.М. Семенова к началу января 1918 г. состояли 556 человек, включая 51 офицера, всего же с января по август 1918 г. в Особом Маньчжурском отряде успели послужить свыше 700 офицеров²³². Интересно, что среди них были, помимо составлявших большинство русских офицеров, также сербы, японцы, буряты, монголы, корейцы, китайцы и турки.

Первые очаги борьбы были красными разгромлены, а образование серьезного фронта произошло в начале лета 1918 г. в результате восстания Чехословацкого корпуса (в котором также служили русские офицеры) и последовавших выступлений подпольщиков. Офицеры стояли во главе практически всех значимых антибольшевистских движений начального периода Гражданской войны на Востоке. Сыграли они решающую роль и в приходе к власти в результате омского переворота 18 ноября 1918 г. адмирала А.В. Колчака. Ставший Верховным правителем и Верховным главнокомандующим (фактически диктатором и единоличным руководителем Белого движения на Востоке России) адмирал А.В. Колчак также представлял офицерскую корпорацию. Офицерами являлись и его преемники во главе различных антибольшевистских режимов Востока России периода 1920–1922 гг. — генералы Г.М. Семенов и М.К. Дитерихс.

Источники комплектования белых армий Востока России офицерским составом различны. Одним из значимых являлись офицеры-добровольцы. Прежде всего, это были участники многочисленных в Сибири антибольшевистских подпольных организаций (в основном

эсеровского толка), действовавших с конца 1917 по середину 1918 г. Именно на базе подпольных организаций летом 1918 г. формировалась Сибирская армия.

Один из участников подполья, бывший полковник Л.Д. Василенко, впоследствии показал, что «во всех городах и крупных пунктах Сибири организовались боевые организации, имевшие цели в свержении советской власти Сибири. Организации эти состояли по преимуществу из офицерства, эсерствующего реакционного студенчества.

Инструкции и директивы организации получали из своего центрального органа Сибпрравительства в лице военного министра Краковецкого. Так, организацией оттуда были получены 2 ориентировки о положении правительства на Дальнем Востоке и предполагаемом объединении на борьбу с Советами и всех дальневосточных вооруженных сил, в том числе и атамана Семенова.

Организации на местах имелись почти всюду. Во главе их в Восточной Сибири стоял генерал Эллерц-Усов... в Западной Сибири — Гришин-Алмазов. В Западной Сибири, начиная от реки Енисея, организации офицеров были в Красноярске, Ачинске, Тайге, Новониколаевске, Омске, Барнауле, Семипалатинске и других местах»²³³.

В работе подполья по всей Сибири участвовали сотни офицеров (только в иркутской организации состояли 142 офицера, в канской — 38, в нижнеудинской — 47)²³⁴. Подпольные организации зафиксированы не менее чем в 38 пунктах от Урала до Забайкалья. Общая численность подпольщиков оценивается примерно в 6000 человек. В некоторых местах они успешно внедрились в советские органы. Например, бывший генерал В.Л. Попов занял пост начальника штаба Сибирского военного комиссариата. Подполье существовало и в Поволжье²³⁵, где летом 1918 г. начала формироваться Народная армия.

Как правило, добровольно выступали против большевиков офицеры казачьих войск (на Востоке России — Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Енисейского, Иркутского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского). По большей части, это были высоко мотивированные командиры. Показательно соотношение казачьих офицеров в противоборствующих лагерях. Так, из числа офицеров-уральцев, участвовавших в Первой мировой войне, 564 человека сражались в антибольшевистских формированиях, тогда как за красными пошли только 14 человек²³⁶. Начальник штаба Отдельной Уральской армии генерал В.И. Моторный, находясь в плену,

показал: «К началу войны в войске числилось около 400 офицеров, из коих лучших 50 человек было оставлено для учебного полка и 60 человек пущено на льготы; остальным было предложено делать что угодно. Однако с объявлением войны все они были призваны, но назначения на фронт получали более молодые; старики оставались не у дел. Убыль командного состава (офицерского) пополнялась производством из урядников и выпуском из школы юнкеров, образованной в Уральске в середине 1918 года, и пополнялась казаками — участниками Гражданской войны, т.е. уже получившими боевой опыт. Часть офицеров была прислана Деникиным, но едва ли общее число их превышало 30 человек. Колчак прислал трех офицеров для занятия должностей Генштаба»²³⁷.

К категории добровольцев относились также участники антибольшевистских восстаний в Ярославле, Рыбинске, Муроме, на Ижевском и Воткинском заводах (в общей сложности участники восстаний дали белым несколько сотен офицеров). Часть офицеров-добровольцев прибывала из-за границы.

Однако в отличие от Юга России, куда офицеры-добровольцы стекались со всех концов страны, «в Сибирь... пробиралось и там оседало главным образом офицерство, имевшее какую-либо связь с этим обширным краем Российской державы. Число офицеров, не связанных с Сибирью, попавших туда случайно, главным образом по причине стремления в отряды Дутова и Семенова, было в общем незначительным»²³⁸.

Другой существенный источник комплектования представляли офицеры-перебежчики из Красной армии. Летом 1918 г. на Востоке страны многие офицеры, ранее оказавшиеся в Красной армии, перешли на сторону антибольшевистских сил. Среди них такие, позднее получившие известность деятели Белого движения, как А.И. Андогский, Б.П. Богословский, В.О. Капшель, А.Ф. Матковский, Ф.Е. Махин, П.П. Петров и многие другие. Наибольшей массовостью отличался переход на сторону антибольшевистских сил Военной академии в Екатеринбурге и Казани. Тогда в различные антибольшевистские формирования перешли преподаватели и служащие академии, а также не менее 170 офицеров — слушателей старшего класса (80,6% слушателей) и 80 слушателей младшего ускоренного курса (69,6% слушателей)²³⁹. У красных за некоторым исключением остались лишь те, кто болел, находился под арестом, в командировках и отпусках. Однако неприя-

тие белыми офицерами любых форм примиренчества и тем более сотрудничества с большевиками ударяло по тем, кто переходил к белым из Красной армии. По этим причинам длительное время подвергались травле Военная академия и ее представители.

Показательным стал инцидент с несостоявшимся назначением генерал-майора А.И. Андогского начальником штаба Ставки адмирала А.В. Колчака. Опасаясь отрицательного мнения о себе в военном руководстве белого Востока России, только что пришедший к власти Колчак в ноябре — декабре 1918 г. провел опрос старших офицеров о возможности этого высокого назначения для ранее служившего у красных Андогского. Несмотря на незначительный перевес сторонников Андогского, Колчак так и не решился назначить этого генерала. В результате интриг начальником штаба Ставки стал полковник Д.А. Лебедев, с деятельностью которого современники и исследователи связывают неудачу наступления белых на Восточном фронте весной 1919 г. Согласно подписанному позднее тем же Лебедевым приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего № 189 от 8 марта 1919 г., пленные военспецы подлежали военно-полевому суду, а добровольные перебежчики из генералитета подлежали отправке в Омск в распоряжение начальника Главного штаба.

Предубеждение против перешедших из Красной армии военспецов было напрасным. Многие из них блестяще себя проявили в рядах белых. Проиллюстрируем это приказом 7-й Уральской дивизии горных стрелков № 46 от 7 октября 1918 г.: «18 сентября во главе отряда, сформированного из передавшихся на нашу сторону красных, на Режевский фронт выступил капитан [М.А.] Демишхан.

Сумев не только сколотить роты, но и воспитать в них истинный воинский дух, капитан Демишхан повел свой отряд в бой.

Проведя в боях время от взятия Егоршино до Алапаевска предводительствуемые капитаном Демишхан роты выполняли всевозможные ответственные боевые операции.

В течение последних 6 дней, с 21 по 27 сентября, капитан Демишхан, командуя самостоятельной группой, получил задачу обеспечения левого фланга колонны, в силу чего группе пришлось, преодолевая сопротивление красных, обходом по размытым дождями дорогам пройти более 120 верст.

27 сентября, после чрезвычайно тяжелых переходов, во исполнение задачи, впереди своих цепей, под перекрестным огнем пулеметов, ру-

жей и орудий с фланга с криком “Ура” отважный капитан Демишхан бросился на противника, и только благодаря внезапности и порыву превосходящие силы красных не устояли и, дрогнув, оставили дер. Алапаиха.

Когда наша цепь под губительным огнем красных залегла, капитан Демишхан, проходя во весь рост по цепи, поверял расположение людей, запас патронов и ободрял солдат для новой атаки.

Но этот героический подвиг стоил крови храбрейшего из храбрых капитана Демишхан. Он тяжело ранен ружейной пулей в грудь навывлет и контужен в руку.

С гордостью объявляю этот подвиг в приказе, с грустью болею душой за героя — георгиевского кавалера и с нетерпением и затаенной радостью ожидаю быстрого выздоровления дорогого моему сердцу славного бойца...»²⁴⁰

Разумеется, основным источником комплектования антибольшевистских армий Востока России стали мобилизации. В Народную армию Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания летом 1918 г. оказались мобилизованы до 6000 офицеров (сюда же входили и добровольцы). Мобилизации подлежали офицеры до 35 лет²⁴¹. В Сибирскую армию к 1 октября 1918 г. призвали 10 754 офицера²⁴². В Сибири офицерская мобилизация охватывала лиц до 43 лет (этот же предельный возраст был позднее подтвержден приказом Колчака № 75 от 18 декабря 1918 г.). В Сибири не хватало штаб-офицеров, существовали трудности с назначениями командиров полков и батальонов, не хватало генштабистов, военных инженеров, военных юристов, интендантов²⁴³.

Развертывание единых антибольшевистских вооруженных сил привело к складыванию совершенно иной ситуации. Офицеров оказалось недостаточно уже не только на штаб-офицерских должностях, но и на должностях младших офицеров, причем этот дефицит белые так и не преодолели даже в 1919 г. Некомплект командных кадров в июле 1919 г. достигал порядка 10 тысяч человек, включая примерно 8500 обер-офицеров — то есть командиров младшего и среднего звена²⁴⁴.

Мобилизации, конечно, не могли дать столь мотивированных командиров, какие пришли в армию добровольно. Офицеры нередко не горели желанием участвовать в Гражданской войне. Так, красные провели в Казани в начале августа 1918 г. регистрацию офицеров, выявившую около 3000 человек. Белые же после занятия города 7 августа

1918 г. смогли сформировать лишь две офицерские роты общей численностью не более 730 человек²⁴⁵. Проблема уклонения офицеров от призыва, несмотря на угрозы, не была решена и позднее при Колчаке.

Некомплект офицеров в частях Оренбургского казачьего войска по отношению к штату, по данным на 15 октября 1918 г., достиг чудовищной цифры — не менее 63 штаб-офицеров и не менее 801 обер-офицера²⁴⁶. По штату в казачьем конном полку полагались 4 штаб-офицера и 45 обер-офицеров. Так, во 2-м Оренбургском казачьем полку не хватало до штатного количества 2 штаб-офицеров и 31 обер-офицера, в 5-м — 1 штаб-офицера и 40 обер-офицеров. Атаман А.И. Дутов 7 сентября 1918 г. даже обратился к казачьим офицерам с призывом не покидать свои части в связи с некомплектом²⁴⁷. Бывало, что на офицерских должностях из-за нехватки офицерского состава находились унтер-офицеры²⁴⁸.

В Сибирской армии на 1 марта 1919 г. значились 83 кадровых офицера и 3193 офицера военного времени²⁴⁹. В IV Оренбургском армейском корпусе к 1 апреля состояли 19 кадровых офицеров и 389 офицеров военного времени²⁵⁰. К 15 апреля 1919 г. во всей Западной армии насчитывалось 138 кадровых офицеров и 2548 офицеров военного времени²⁵¹. Во II Уфимском армейском корпусе к той же дате состояли 49 кадровых офицеров и 924 офицера военного времени²⁵². В мае 1919 г. в 4-м Оренбургском казачьем полку насчитывалось 3 кадровых офицера и 2 офицера военного времени, в 33-м Оренбургском казачьем полку — 1 кадровый офицер и 4 офицера военного времени²⁵³.

В связи с кадровым голодом на Востоке России была организована собственная ускоренная подготовка офицеров в военных училищах, школах прапорщиков, инструкторских школах и на военно-училищных курсах. Военно-учебные заведения создавались, прежде всего, в крупных центрах — Уральске, Перми, Екатеринбурге, Челябинске, Кургане, Петропавловске, Омске, Томске, Чите, Хабаровске, Владивостоке. Использовались и военно-учебные заведения, сохранившиеся с дореволюционных времен (например, Оренбургское казачье и Иркутское военное училища). Считается, что белые смогли подготовить на Востоке России порядка 6000 офицеров. Осуществлялось производство в офицеры и унтер-офицерского состава. При этом военно-учебные заведения оттягивали на себя немалое количество офицеров постоянного состава (преподавателей, администраторов), прежде всего кадро-

вых, столь необходимых на фронте. Кроме того, велась и переподготовка, а также повышение квалификации. Так, в начале 1919 г. в Томске возобновила учебную работу Военная академия. В мае 1919 г. академия по сокращенной программе выпустила 152 офицера младшего класса курсов 4-й очереди, которые были распределены в основном по колчаковским штабам.

Острая нехватка офицерских кадров приводила к ускоренному чинопроизводству и к стремительному продвижению по службе младшего и среднего звена командного состава. До 1918 г. менее половины высших руководителей Белого движения на Востоке России имели генеральские чины, большинство же начальников высших штабов и командующих армиями имели до 1918 г. чин полковника, не говоря уже о нижестоящих начальниках²⁵⁴. На высшие командные посты (командующих армиями, корпусами, дивизиями) белые, за рядом исключений, подтверждающих правило, старались не назначать высококвалифицированных генералов старой армии.

Генералами нередко становились еще совсем молодые люди, достаточно энергичные, но не обладавшие ни жизненным, ни административным опытом. К примеру, Р. Гайда и Н.П. Сахаров получили первый генеральский чин в 26 лет, А.Н. Пепеляев — в 27, А.И. Тирбах — в 28, Г.М. Семенов — в 29, И.П. Калмыков — в 30 лет. Помимо харизмы лидеров, энергии, понимания природы Гражданской войны молодежи в генеральских погонах были свойственны недооценка противника, военно-политический авантюризм, шапкозакидательство, легкомыслие. В общей сложности генеральские и адмиральские чины в 1918–1922 гг. на Востоке России получили свыше 384 офицеров²⁵⁵. Всего же в антибольшевистских силах Востока России служили не менее 728 генералов и адмиралов. Таким образом, более 53% белых генералов и адмиралов Востока России получили высшие чины непосредственно в Гражданскую войну. Молниеносность производства порой являлась поводом для ироничных наблюдений²⁵⁶. Сотни новоиспеченных генералов были явно избыточны для белых формирований Востока России и, наоборот, усугубляли нехватку кадровых офицеров на более низких ступенях служебной иерархии.

Показателем слабости военной системы белых стало и то, что в период конфронтации опиравшегося на Японию атамана Г.М. Семенова с Верховным правителем первый осуществлял собственные производства в генеральские чины. При этом 30 из 35 генералов,

произведенных Семеновым в 1918–1921 гг., в первой половине 1918 г. служили в его Особом Маньчжурском отряде, то есть являлись лично преданными ему проверенными людьми с боевым опытом Гражданской войны²⁵⁷. Фактически речь шла о создании Семеновым собственной генеральской группировки. Генерал А.П. Будберг писал, что семеновские начальники «присваивают себе небывалые титулы, пугачевские производства и никогда не заслуженные георгиевские кресты»²⁵⁸.

Ускоренное чинопроизводство, приводившее к появлению «выскачек» и «вундеркиндов», вызывало недовольство старых заслуженных генералов, получивших свои чины в результате многолетней службы. Генеральская молодежь, вполне естественно, не собиралась уступать старшему поколению. Тем более что многие молодые генералы обладали значительными заслугами перед Белым движением. На это накладывалась специфика Гражданской войны, которую старые офицеры не всегда могли уловить и должным образом перестроиться. Все это приводило к складыванию группировок генералитета, борющихся друг с другом, в том числе и в силу поколенческого конфликта. Отзвуки противоречий сохранились даже в эмиграции. Так, генерал В.М. Молчанов, получивший первый генеральский чин в 33 года, заявил критиковавшему «выскачек» заслуженному генералу А.П. Будбергу, который был на 17 лет старше: «Вы, барон Будберг, занимали пост военного министра — Вы укрылись! А почему Вы не пошли командовать корпусом, почему Вы не пошли командовать дивизией? Наладить это дело? Простите, потому что Вы не были подходящи для этого. Потому что Вы знали: дивизия, по-вашему, — это 14 тысяч штыков, а мы дивизией считаем — у нас до 1500 штыков доходило. И выполняли дивизионные задачи»²⁵⁹.

Еще в начале ноября 1918 г. был издан приказ главнокомандующего генерала В.Г. Болдырева о приостановке чрезмерно ускорившегося чинопроизводства. Предписывалось делать представления о производстве лишь за особо выдающиеся подвиги, а в остальных случаях ограничиваться объявлением благодарностей²⁶⁰. В войсках Колчака командующие армиями в июне 1919 г. получили право производить офицеров в чины до капитана включительно²⁶¹. Вышестоящие производства осуществлялись приказами Верховного правителя и Верховного главнокомандующего. 28 августа 1919 г. последовал приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 179 о том, что в гене-

ральские чины вне театра военных действий разрешалось производить лишь за боевые отличия и за особые государственные заслуги.

Если на Юге в связи с переизбытком офицеров и нехваткой рядового состава создавались целые офицерские части, в которых офицеры служили в качестве рядовых (что вряд ли можно признать рациональной практикой), то на Востоке после развертывания единых вооруженных сил такой подход стал невозможен в силу нехватки кадров, а полномасштабного обмена кадрами между белыми фронтами организовано не было.

Часть офицерства самоотверженно сражалась на фронте, некоторые даже проявили чудеса храбрости, за что были удостоены георгиевских наград. Так, приказом войскам Сибирской армии № 90 от 28 февраля 1919 г. среди других награжденных орденом Св. Георгия 4-й степени был командир 3-й роты 1-го Сибирского штурмового батальона поручик А. Струнге, отмеченный за то, что «23-го декабря 1918 г., исполняя приказание взять мост через реку Каму, имеющий большое стратегическое значение, и перерезать провода к минам, подошел к мосту с полуротой и, несмотря на сильный пулеметный и ружейный огонь, бросился в штыки, заставил замолчать пулеметы, выбил противника с моста и перерезал провода к минам — мост спасен. Противник потерял 40 человек убитыми, 300 пленными, один пулемет и подрывную команду с двумя подрывными аппаратами. Пулемет был взят быстрым налетом и тотчас же обращен против противника»²⁶².

Случаи героизма не меняли общей картины низкого профессионального уровня командных кадров. Среди них преобладали офицеры военного времени, не вполне соответствовавшие требованиям к командному составу. Подтверждается это и результатами инспекций. Так, в полках IV Восточно-Сибирского корпуса офицеры не владели уставами, положением об обучении пехоты и программой обучения молодых солдат²⁶³. Командирами полков порой становились обер-офицеры. Многие опытные старшие офицеры — ветераны нескольких войн, наоборот, оказывались на тыловых должностях. Младшими офицерами повсеместно являлись офицеры военного времени, часто из нижних чинов. Такое положение вещей приводило к панибратским отношениям рядового и офицерского состава, падению авторитета офицера и, как следствие, к выходу из подчинения командирам. Генерал С.А. Щепихин летом 1919 г. оказался очевидцем следующей неприглядной

сцены в 11-й Сибирской стрелковой дивизии: «Офицеры, молодежь, как я видел, очень сжились со своими солдатами, но и сильно от этой близости теряли в авторитете. Я видел, как в игре солдат участвовал и офицер, — но не в качестве руководителя, а рядового игрока, и как ему, офицеру, солдаты с большим аппетитом всыпали шлепки по спине и ниже. При этом на лицах некоторых солдат я заметил ядовитые улыбочки»²⁶⁴.

Наглядным показателем качества командного состава являются сравнительные данные о численности выпускников Николаевской военной академии в белых армиях Юга и Востока России. Если через белые армии Юга России прошли 1082 выпускника академии, то через белые армии Востока России — только 641. Причем среди этих офицеров лишь 229 обучались в академии до Первой мировой войны по полной, а не по сокращенной программе. На Юге же старую академию окончили не менее 828 офицеров²⁶⁵. Показательно и соотношение по «коренным» офицерам Лейб-гвардии Преображенского полка. Если на белом Юге их оказалось не менее 53 человек, то на белом Востоке России — только 11, включая семерых, приехавших с Юга²⁶⁶.

Не отличалось рациональностью и распределение офицеров по должностям. Тыловые учреждения были переполнены офицерами. Уже в июне 1918 г. управление Военного министерства в Омске и штаб Степного корпуса поражали своими размерами, совершенно не адекватными реальной численности войск. Наличие большого количества служащих создавало хаотическую и не подходящую для деловой работы обстановку. Сторонний наблюдатель был очевидцем откровенного бездельничания штабных. В Ставке Верховного главнокомандующего, в управлении Восточным фронтом и в управлениях армий фронта по штату к 1 июля 1919 г. значились 681 офицер и 660 военных чиновников, в 12 управлениях армейских корпусов — 396 офицеров и 132 чиновника²⁶⁷. Реально же, как отмечал генерал-лейтенант А.П. Будберг, «Ставка разрослась в нечто чудовищное по своим размерам и совершенно не соответствовавшее той ничтожной положительной работе, которая там производилась. По наружности работали много, по-своему, усердно и добросовестно, но, по неопытности, с малыми практическими результатами. Продуктивнее других отделов работал отдел дежурного генерала, более определенный по своим функциям и подобравший большие кадры старых опытных работников.